
ВИТТА ЛИНБЕРГ
Рождество с аферистом

Витта Линберг
Рождество с аферистом

https://litres.ru/74816742

Аннотация

Застрять в метель в глуши Вермонта с незнакомцем — плохая идея. Застрять в собственном доме с гениальным аферистом, которого ищет служба безопасности крупнейшего казино Вегаса — чистый сумасшедший дом. Особенно когда у тебя на носу главный рождественский марафон в кулинарном блоге, а в морозилке вместо праздничного ужина теперь лежит миллион долларов под замороженными индейками.

Коул Бэннон привык просчитывать любые риски на секунды вперед. Но он не учел одного: я не собираюсь молча сидеть в стороне. Если этот невыносимый красавчик втянул меня в свою игру, ему придется жить под моей крышей и играть по моим правилам.

Двадцать четыре дня до Рождества. Старинный адвент-календарь с тикающим таймером, горячие споры на кухне и химия, от которой сносит крышу быстрее, чем тает снег за окном. Чья ставка сыграет раньше, когда пробьет полночь?

В книге вас ждет:

#вынужденное соседство в заснеженном доме;

#домашняя девушка с характером и харизматичный аферист (Робин Гуд наших дней);

#искры, юмор и жаркая химия от недоверия до любви;

#уютная атмосфера Рождества с ноткой опасных приключений.

Книга 1 дилогии «Рождество с аферистом».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	79
Глава 12	87
Глава 13	95
Глава 14	101
Глава 15	107
Глава 16	112
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Глава 1

Четверг, 3 декабря Коттедж «Хемлок-Лодж»
Эбби

Метель за панорамным стеклом не просто выла — она швыряла в дом пригоршни ледяной крупы с глухим, монотонным шорохом наждачной бумаги.

Я перевела дух, упершись ладонями в ноющие колени, и вытерла испачканным в золе запястьем капли пота со лба. Шестая коробка оказалась самой неподъемной. На самом дне, заботливо проложенные крафтовой бумагой, покоились винтажные медные формы для кексов, бабушкина чугунная утятница и две дюжины стеклянных банок с редкими пряностями, которые я везла через весь штат из Бостона. Каждая ступенька обледенелого крыльца отзывалась резкой, пульсирующей болью в связках.

Вермонт встретил меня вовсе не открыточным глянцем из рождественских роликов. Он встретил сугробами по колено, заметенными гравийными колеями и термометром на приборной панели, замершим на отметке минус пятнадцать.

Я захлопнула массивную дубовую дверь, с силой навалившись на нее плечом. Массивный замок глухо щелкнул, отрезая ледяной сквозняк.

Внутри «Хемлок-Лодж» пахло именно так, как требовали брифы спонсоров: вековым сырым кедром, остывшим грани-

том камина и едва уловимым, горьковатым привкусом сухой полыни и старого воска. Сам дом был странным, гибридным чудовищем — брутальный охотничий сруб из вековых бревен, сращенный с модернистским стеклянным крылом, где располагалась двусветная кухня-гостиная. Огромный остров из светлого каррарского мрамора возвышался посреди зала, словно жертвенный алтарь, ждущий священнодействия.

Я стащила промокшие насквозь кожаные перчатки, швырнула их на банкетку у входа и подула на пальцы. Кожа на костяшках саднила от холода.

— Никаких слез, Хартли, — приказала я себе вслух. Мой голос прозвучал сухо и сипло, взметнувшись к стропилам высокого потолка. — Ты приехала сюда работать, а не оплакивать крушение «Титаника» под названием «правильная жизнь».

Телефон на дальнем краю острова коротко звякнул, чудом поймав слабую полоску местной сети. Я скосила глаза на экран: входящее от Брэндона.

«Эбс, твой внезапный отъезд — детский сад. Мы взрослые люди. Давай встретимся в Бостоне и закроем вопрос с залогом за квартиру цивилизованно. И перестань драматизировать из-за одного недопонимания».

«Одного недопонимания».

У меня свело челюсти так, что зубы скрипнули. Недопониманием Брэндон величал сцену, заставленную мною ровно неделю назад в нашей общей гостиной: мой без пяти ми-

нут законный муж с деловитым видом расстегивал молнию на шелковом платье Хлои — моего же контент-менеджера, — пока в духовке остывало приготовленное мной праздничное каре ягненка с розмарином. *«Ты слишком зациклена на тотальном контроле, милая. Мужчинам иногда нужна спонтанность, а ты превратила наш брак в расписание кулинарных постов»*.

Я перевернула смартфон экраном вниз, с глухим стуком припечатав его к холодному мрамору.

Спонтанность. Я покажу ему, что такое настоящая спонтанность. Если мой пилотный цикл «24 дня Рождества» выстрелит и спонсор *Hearthside*подпишет годовой контракт на эксклюзивную дистрибуцию шоу, я выкуплю свою долю в продакшене, запущу независимый медиа-проект без чьих-либо подачек и вычеркну фамилию Брэндона из своей биографии раз и навсегда.

Но чтобы цикл выстрелил, пилот должен быть безупречен.

Я подошла к коробкам и принялась за работу, методично глуша внутренний вой проверенным лекарством — маниакальным порядком. Из слоев пузырчатой пленки на мрамор перекочевали медные миски с благородным матовым блеском, герметичные банки с мадагаскарской ванилью, палочками цейлонской корицы и звездочками бадьяна. Рядом встали металлические штативы. Я собрала кольцевую лампу, закрепила на подвижном кронштейне полнокадровую камеру Sony FX3, проверила баланс белого и уровень направлен-

ного микрофона.

Оставалась последняя деталь кадра для каминной зоны.

В углу холла на низком столике стояла вещь, найденная мною здесь же, согласно описи риелтора: старинный деревянный адвент-календарь ручной работы. Темный полированный орех, двадцать четыре выдвижных ящичка с литыми латунными ручками в виде миниатюрных желудей. Настоящее сокровище винтажного декора, идеальный визуальный якорь для первого плана. Риелтор вскользь обмолвилась, что дом раньше принадлежал некоему Уолту — эксцентричному местному механику и часовому мастеру, скончавшемуся прошлой весной, и его личные вещи пока оставались на местах.

Я бережно взяла деревянный короб обеими руками и перенесла к камину. Календарь идеально встал на широкую балку из мореного дуба над очагом, прямо рядом с моей гирляндой из сушеных апельсиновых кружочков.

Один из ящичков — под номером три — слегка выступал вперед.

Движимая неискоренимым перфекционизмом, я потянула за латунный желудь, намереваясь задвинуть его вровень с фасадом, но ящичек мягко выскользнул на треть длины. Внутри не было конфет. На гладком дне лежала высохшая еловая веточка с отчетливым смолистым запахом и сложенный пополам прямоугольник плотной бумаги верже:

«Для того, кто всё считает: не всё в этом доме подда-

ется расчёту».

Я нахмурилась, пробегая глазами витиеватые чернила. Странный, поучающий тон с короткой подписью — буквой «У». Старый механик оставил послания наследникам? Скорее всего. Но строчка больно царапнула меня по живому: всю сознательную жизнь я только и делала, что считала — граммы, калории, хронометраж рекламных интеграций, дни до свадьбы, платежи по ипотеке. И где я оказалась со всеми своими безупречными расчетами? В глуши Вермонта, одна, за двадцать два дня до Рождества, с ледяным комом в горле.

Я аккуратно вернула записку на место, задвинула ящичек и тряхнула головой, отгоняя накатившую дурноту.

— Хватит лирики. Мотор, Хартли. Спонсоры платят за праздник, а не за сопли.

Я шагнула к зеркалу в коридоре, поправила мягкий кашемировый свитер кремового цвета, перевязала темные, густые волосы бархатной лентой и тронула губы ягодным бальзамом. В свои двадцать четыре года я выглядела моложе, но сейчас из зеркала на меня смотрела повзрослевшая девушка с непривычно жестким взглядом больших карих глаз. Острые скулы, аккуратный, чуть вздернутый нос, мягкий изгиб губ — лицо на контрольном экранчике видоискателя выглядело свежим, сияющим, без единого намека на три бессонные ночи. Образцовая рождественская фея домашнего уюта.

Я включила заливающий свет, активировала петличку и нажала кнопку записи.

— Дубль один, — бодро произнесла я в объектив, натягивая фирменную лучезарную улыбку. — Привет, мои сладкие! С вами Эбби Хартли, и добро пожаловать в самое волшебное место на земле — заснеженный вермонтский лес, где мы начинаем наш марафон «24 дня Рождества». Сегодня, третьего декабря, мы…

Штатив внезапно накренился под весом сетевого кабеля. Я едва успела перехватить объектив в паре сантиметров от пола.

— Стоп. Ладно. Дубль два.

На втором дубле за панорамным окном с глухим грохотом сошел пласт снега с крутого ската крыши, начисто заглушив мою фразу про тростниковый сахар. На третьем — в камине с пушечным хлопком лопнуло полено, выбросив сноп искр, и я дернулась, сбившись с мысли. На пятом дубле я перепутала граммовки темной патоки и мускатного ореха.

Нервы натягивались звенящей от напряжения струной. Усталость после шести часов бешеной гонки по обледенелой трассе навалилась на плечи чугунной плитой.

— Дубль шесть, — выдохнула я, вытирая вспотевшие ладони о хлопковый фартук. — Соберись. Ты чертов профессионал.

Я встала перед островом, где уже ждали подготовленные ингредиенты для базового имбирного теста. Сливочное масло дошло до нужной комнатной температуры, специи источали дурманящий пряный дух, согревая мертвое простран-

ство кухни.

Я опустила руки в широкую медную чашу, начиная пальцами растирать податливое масло с коричневым сахаром и мелассой.

Это движение всегда действовало на меня как транквилизатор, но сегодня пальцы двигались механически, жадно погружаясь в теплую, тягучую массу. Кожа к коже, тепло к теплу. Я вдруг замерла, уставившись на свои перепачканные карамельной жижей руки, и в горле встал колючий ком.

Господи, до чего же я истосковалась по обычному, живому человеческому теплу.

Не по выверенному, вежливому сексу по расписанию раз в неделю, который практиковал Брэндон перед сном, чтобы снять напряжение после торгов на бирже. Не по дежурным поцелуям в щеку у входной двери. Я поймала себя на мысли, что уже бесконечно много месяцев никто не обнимал меня крепко, до хруста в ребрах, просто так, потому что не может выпустить из рук. Никто не проводил горячей ладонью по обнаженной спине под свитером, заставляя задерживать дыхание и забывать собственное имя. Вся моя жизнь превратилась в пластиковую витрину: идеальный свет, безупречные капкейки, правильные речи и глухое, ледяное одиночество внутри стеклянной коробки.

Я судорожно втянула воздух сквозь зубы, чувствуя, как предательски защипало в глазах.

— Нет-нет-нет, — забормотала я, с яростной силой про-

должая вымешивать тесто. — Не сейчас. Не вздумай реветь перед камерой, идиотка.

Я включила запись на седьмой дубль.

— Сегодня мы готовим основу для пряничного домика, — заговорила я с отчаянной, злой бодростью, поднося к миске двухкилограммовый бумажный пакет с просеянной мукой. — Главный секрет идеальной текстуры — вводить сухие ингредиенты постепенно, небольшими порциями, контролируя каждое…

Уголок пакета зацепился за острый край металлической мерной ложки. Бумага с сухим треском лопнула снизу доверху.

В ту же секунду пакет выскользнул из моих скользких от патоки пальцев, ударился о край мраморного острова и взорвался плотным белым облаком.

В воздухе повисла непроглядная белесая взвесь. Мука была везде: она ровным слоем легла на полированный темный дуб пола, осела на черных матовых тумбах кухонного гарнитура, намертво залепила объектив камеры за три тысячи долларов и щедро осыпала меня с головы до ног.

Я швырнула кухонное полотенце на столешницу и зарычала в потолок, чувствуя, как внутри закипает чистое, незамутненное бешенство.

Глава 2

Эбби

Я стояла посреди кухни, словно гипсовое рождественское изваяние. Белая пыль забилась в ресницы, осела в волосах, выбелила кашемировый свитер и фартук.

Несколько секунд стояла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь завыванием вермонтского бурана за стеклом.

А потом плотину внутри меня сорвало к чертям.

— Черт! — заорала я, с силой шмякнув ладонями по мрамору, отчего вверх взметнулось еще одно облачко пыли. — Черт, черт, черт!

Я зажмурилась, чувствуя, как по щекам, прокладывая влажные дорожки по мучной корке, покатились злые, обжигающие слезы. Месяцы сдержанности, месяцы фальшивых улыбок для двухсот двенадцати тысяч подписчиков, липкое унижение от измены Брэндона, животный страх провалить единственный шанс на независимость — все выплеснулось наружу.

— Ненавижу! — закричала я в пустое пространство дома, обращаясь к невидимым зрителям, к Брэндону, к *Hearthside*, к самой себе. — Ненавижу пряники! Ненавижу этот чертов идеальный праздник! Я не хочу больше быть правильной! Я устала быть милой, удобной, сладкой девочкой, которая всё

проглатывает и молча печет гребаные пироги!

Я тяжело, прерывисто дышала, сжимая кулаки и уставившись в пол. Эхо моего собственного крика медленно растворилось под потолочными балками.

Но вместе с криком из груди словно выдернули раскаленный стальной обруч, давивший на ребра последние три недели. Дышать стало легче.

Я вытерла лицо тыльной стороной запястья, оставляя на щеках белые разводы, и криво усмехнулась. Ну и вид. Если бы мои зрители увидели сейчас свою «фею корицы», отписки пошли бы тысячами. Или наоборот — видео набрало бы миллион просмотров за искренность.

— Ладно, — сказала я себе уже спокойнее, шмыгнув носом. — Контракт сам себя не спасет. Сначала убрать. Потом дубль восемь.

Я подошла к камере, чтобы остановить запись и оценить масштаб катастрофы с объективом. Поворотный сенсорный экранчик был залеплен тонким слоем белой пудры. Я осторожно смахнула ее краешком фартука и запустила просмотр последнего фрагмента.

На экранчике в замедленном темпе разворачивался взрыв мучного пакета: вот я комично распахиваю глаза, вот белое облако накрывает кухню.

Но мой взгляд зацепился не за собственную испачканную физиономию.

На заднем плане видеозаписи, за грандиозным панорам-

ным окном, в сплошной белой круговерти сумеречной метели… что-то двигалось.

У меня перехватило дыхание. Я приблизила зумом правый верхний угол кадра.

Сквозь косые полосы снега, метрах в десяти от коттеджа, отчетливо проступал темный мужской силуэт. Широкие плечи, расстегнутая куртка, капюшон, сбитый ветром. Мужчина двигался уверенно, целеустремленно, огибая дом со стороны глухой лесной чащи. И в правой руке он нес массивный прямоугольный предмет — металлический кейс с хромированными углами, напоминающий кофр для высокоточного оборудования или инкассаторский чемодан.

Сердце пропустило удар и тяжело, глухо ухнуло куда-то в желудок.

Я подняла глаза от экранчика и посмотрела в темнеющее окно. Там, в тридцати сантиметрах за стеклом, царила непроглядная вермонтская ночь. Никаких следов — буран запечатывал все за считанные секунды.

«Это иллюзия. Просто ветка сосны качнулась в свете фонаря», — попыталась внушить себе я, чувствуя, как ледяная волна чистого адреналина начисто смывает остатки слезливой хандры.

И тут снизу, из короткого технического коридора, ведущего к черному ходу мимо бойлерной, донесся отчетливый, сухой звук.

Щёлк.

Металл о металл. Тонкий, ювелирный звук отмычки, провернувшей ригель в старой личинке замка. Следом — тяжелый, протяжный скрип открывающейся наружной двери и шуршание влетевшего в щель снега.

Я застыла. Мысли заметались с бешеной скоростью. Мой телефон лежал на острове в пяти метрах, но сети здесь почти не было, а до ближайшего полицейского участка в городке Пайн-Холлоу — пятнадцать миль по заметенному перевалу. Помощи ждать неоткуда.

Взгляд упал на рабочую поверхность.

Среди рассыпанной муки и мисок лежала она: полуметровая скалка из цельного массива карельской березы с утяжеленным металлическим стержнем внутри. Шедевр столярного искусства, купленный на фермерской ярмарке за восемьдесят долларов. Оружие судного дня для любого кулинара.

Я бесшумно шагнула к острову, перехватила гладкую деревянную рукоять двумя руками и встала в боевую стойку, затаив дыхание. Колени слегка дрожали, но пальцы сжали дерево намертво.

В коридоре послышались шаги — мягкие, пружинистые, слишком спокойные для грабителя.

Очертания дверного проема дрогнули, и в теплое, залитое светом лампы пространство кухни шагнул высокий темный силуэт. С него сыпался снег.

Я резко обернулась, вскидывая утяжеленную березовую скалку над правым плечом, готовая со всей силы обрушить

ее на голову незваного гостя.

— А ну назад! — сорвавшимся, но яростным шепотом выдохнула я.

Мужчина замер на пороге. В правой руке он держал тот самый металлический кейс, но при виде покрытой мукой разъяренной девушки с занесенной над головой скалкой он даже не отшатнулся. Напротив — он плавно, без единого резкого движения опустил кейс на пол и медленно поднял перед собой обе ладони, демонстрируя открытые пустые руки.

Снег с его темных взъерошенных волос таял, стекая каплями по вискам. Глаза — нестерпимо яркие, насмешливые, цвета крепкого выдержанного виски — скользнули по моему припудренному свитеру, перепачканному лицу и замерли на березовой скалке.

Уголок его губ дрогнул в ленивой, обезоруживающей полуулыбке.

— Только не кричите, — произнес он низким, бархатным голосом, в котором не было ни капли страха. — Я здесь уже бывал.

Глава 3

— Я здесь уже бывал, — повторил мужчина с тем же убийственным, ленивым спокойствием, словно заглянул на чашку кофе к давней приятельнице, а не вломился сквозь метель с черного хода в чужой арендованный дом.

Вести светские беседы с грабителями я не собиралась.

Мои пальцы, побелевшие от въевшейся мучной пыли, сжались на рифленой рукояти скалки так, что судорогой свело предплечье. В голове, с точностью таймера на индукционной панели, отсчитывались десятые доли секунды.

Дистанция — два с половиной метра. Он выше меня на голову, плечи шире дубового дверного косяка, куртка расстегнута, а под плотным серым лонгсливом перекатываются сухие, собранные в тугую пружину мышцы. Ни капли паники. Ни малейшей суеты. Он стоял так, словно заранее знал точное количество шагов от порога до мраморного острова и рассчитывал траекторию перехвата моего оружия еще до того, как переступил порог.

Слишком расчетливый. Слишком быстрый.

Моя свободная ладонь скользнула по холодной столешнице в поисках чего-нибудь весомого. Перцовый баллончик в суматохе сборов остался лежать в бардачке «Хонды», засыпанной полуметровым сугробом на подъездной дорожке. Но пальцы нащупали гладкий, прохладный металлический ци-

линдр.

Аэрозольный кондитерский спрей для смазывания рифленых форм. Высокоочищенное растительное масло с ударной дозой натурального мадагаскарского ванилина под давлением в четыре с половиной бара.

— Шаг назад, — мой голос прозвучал на удивление жестко, без единой дребезжащей ноты. Я вздернула скалку повыше. — Или я проверю, насколько крепок ваш череп.

— Послушайте, мисс… — он сделал плавный, текучий шаг вперед, словно пытаясь успокоить испуганную собаку.

Ждать я не стала.

Сорвав колпачок большим пальцем, я с глухим яростным шипением вдавила клапан распылителя, целясь ровно в его нестерпимо яркие, насмешливые янтарные глаза.

Плотная, липкая струя маслянистой взвеси с гулом ударила в воздух.

Он среагировал феноменально — в долю секунды вскинул левое предплечье, закрывая лицо локтевым сгибом, но облако кондитерской ванили всё равно накрыло его с головой. Кухню в мгновение ока заволокло приторным, одуряюще-сладким ароматом элитной парижской кондитерской.

— Твою мать! — хрипло выдохнул он, отплевываясь и тряхнув головой. — Это что… крем-брюле?!

Пока он щурился от масляной пелены, я сделала резкий выпад вперед и со всей дури обрушила полуметровую скалку по широкой дуге — метя не в висок, а в корпус, по реб-

рам, вкладывая в удар всю массу тела и всю скопившуюся за неделю ярость.

Я была уверена, что разнесу его в щепки.

Но он двигался с пугающей, кошачьей реакцией профессионального боксера. Мужчина не стал отшатываться назад. Вместо этого он шагнул прямо в зону поражения, сокращая дистанцию до нуля, мягко поднырнул под траекторию замаха и обеими руками намертво захлопнул капкан на моих запястьях.

Хватка оказалась железной, но поразительно выверенной — он не отдавил нервы, не выкрутил суставы, а лишь мгновенно погасил кинетическую энергию удара, заблокировав рычаг. Скалка застыла в воздухе в двух дюймах от его бедра.

По инерции меня качнуло вправо, и я бедром зацепила металлическую ножку штатива.

Тяжелая тренога с закрепленной на ней полнокадровой камерой за три тысячи долларов опасно накренилась над полом, готовая разлететься о мрамор на куски пластика и оптики.

Незнакомец оценил угрозу доли секунды быстрее меня: не разжимая моих запястий, он резко развернул корпус, выставил вперед колено, мягко спружинил и широким плечом подхватил падающий штатив, балансируя конструкцию и возвращая ее в вертикальное положение.

Вся эта акробатика заняла ровно два удара сердца.

В следующий миг я оказалась прижата спиной к массив-

ному торцу мраморного острова.

Он возвышался надо мной, удерживая мои руки разведенными на уровне груди, полностью блокируя любые попытки ударить коленом.

Расстояние между нашими лицами сократилось до жалких десяти сантиметров.

Я замерла, боясь сделать вдох, но грудная клетка сама жадно втянула воздух.

От него пахло ошеломляющим, диким контрастом.

Ледяной, колючий озон вермонтского бурана, горьковатая кедровая кора, тепло нагретой мужской кожи, запах чистого пота после долгой физической нагрузки… и нелепая, приторная мадагаскарская ваниль, осевшая крошечными сверкающими каплями на его темной щетине, скулах и густых ресницах. У него было чертовски порочное, хищное лицо: резкая линия волевого подбородка, прямой нос и эти нестерпимо яркие, насмешливые глаза цвета выдержанного виски.

Его тело было монолитным. Ни грамма лишнего веса — только плотные, прокачанные мышцы, обжигающие жаром даже сквозь слои одежды. Сквозь мой кашемировый свитер я отчетливо чувствовала твердость его грудной клетки и тяжелый, мерный стук сердца. У него не было одышки. Как и страха.

А там, где его пальцы охватывали мои запястья, по коже побежали колючие, раскаленные иглы. Это был чистый физический разряд — не метафорический, а настоящий ток на-

пряжением в пару сотен вольт, прошивший меня от кончиков пальцев до солнечного сплетения и заставивший низ живота сжаться в сладкой, панической судороге.

Я судорожно втянула воздух сквозь зубы.

Его глаза потемнели, потеряв насмешливый блеск. На долю секунды его взгляд соскользнул с моих глаз на мои губы — обветренные, припухшие, блестящие от ягодного бальзама. В глубине его янтарных зрачков вспыхнуло что-то тяжелое, голодное и темное. Жар между нашими телами стал почти осязаемым, плотным, как раскаленный воздух над духовкой.

Но наваждение длилось ровно миг.

Стоило моим плечам чуть опуститься, а пальцам правой руки — разжаться, отпуская скалку, которая с глухим стуком упала на мраморную столешницу прямо за моей спиной, как мужчина мгновенно разжал хватку.

К моему радости или сожалению, я не определилась в своих чувствах, он не попытался воспользоваться моим замешательством. Он не прижал меня сильнее, не сделал ни одного вульгарного жеста.

Он сделал четкий, подчеркнутый шаг назад, вскинул раскрытые ладони на уровень плеч и глубоко выдохнул, возвращая мне всё мое личное пространство целиком.

— Камера цела, — произнес он с легкой хрипотцой, проморгавшись от липкого ванильного налета. — И, мисс Хартли… если вы планировали отравить меня десертом — вы бы-

ли чертовски близки к успеху. В следующий раз заряжайте кайенский перец. Он хотя бы не оставляет ощущения, что тебя облизала рождественская карамелька.

Я судорожно перевела дыхание, потирая запястья, на которых всё еще пульсировали горячие следы его пальцев, но отступать не собиралась — скалка лежала на столешнице в дюйме от моей ладони, так что дотянуться до нее я могла в любую секунду.

Вместо того чтобы разрыдаться, впасть в ступор или закатить истерику — а именно этого ожидал бы от меня Брэндон при любом намеке на стресс, — я ощутила внутри ледяную, алмазную ясность.

Мозг работал быстро, четко, как на приеме у санинспекции при внезапной проверке ресторана.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — отчеканила я, расправляя плечи и глядя ему прямо в переносицу.

— На коробках в прихожей наклеены транспортные манифесты службы доставки, — спокойно ответил он, вытаскивая из кармана чистый льняной платок и вытирая маслянистую ваниль со лба и висков. — «Эбигейл Хартли, Бостон, Массачусетс». Я умею читать на скорости триста слов в минуту. Меня зовут Коул Бэннон. И у меня к вам один вполне закономерный вопрос: какого черта вы делаете в доме Уолта?

— В доме Уолта?! — я издала короткий, едкий смешок, не опуская скалку. — Этот коттедж принадлежит управляю-

щей компании премиальной аренды «Грин Маунтин». Я сняла его на месяц. Законно. С полным пакетом документов и безналичным расчетом.

Не спуская с него прицельного взгляда, я сделала два шага вбок, вытянула из папки на подоконнике тяжелый лист плотной бумаги с синей гербовой печатью и с размаху припечатала его к мрамору острова:

— Договор аренды номер сорок восемь дробь двенадцать. Срок проживания — с третьего по двадцать шестое декабря включительно. Стопроцентный залог внесен. Моя продакшн-студия выкупила эксклюзивное право на проживание и коммерческую видеосъемку на всей территории усадьбы. Так что единственный, кто здесь грубо нарушает закон штата Вермонт, взломав дверь технического крыла с помощью воровских приспособлений, — это вы, мистер Бэннон. Руки за голову и шагом марш на мороз, пока я не вызвала окружную полицию.

Коул скользнул взглядом по тексту договора, затем снова поднял глаза на меня. Его лицо оставалось невозмутимым, но в уголках губ снова заиграла снисходительная улыбка.

— Впечатляющая бумага. Плотность сто двадцать грамм, классический шрифт Garamond, синяя факсимильная подпись, — протянул он ровным, бархатным голосом, пряча платок обратно в карман куртки. — Вот только агентство «Грин Маунтин» не имело ни малейшего юридического права выставлять этот дом на рынок.

Он полез во внутренний карман куртки. Я моментально подобралась, готовая снова схватить скалку на манер бейсбольной биты, но Коул лишь выудил тяжелую связку ключей на массивном латунном кольце.

Ключей было больше дюжины — длинные, со сложной фигурной бородкой, от старинных сувальдных замков. На тяжелом медном брелоке красовалась грубая ручная гравировка: *«Мастерская Уолта. Хемлок»*.

Коул подбросил связку на ладони. Металл отозвался тяжелым, веским звоном:

— Сюрприз, мисс Хартли

Глава 4

Эбби

— Этот коттедж принадлежал Уолтеру Грейсону. Моему наставнику. Он умер весной, завещав всю недвижимость закрытому трасту под управлением его доверенного адвоката, мисс Мэри-Бет Оуэнс. Пока идут судебные тяжбы по оспариванию завещания его жадными племянниками из Огайо, объект находится под судебным обременением. Распорядитель не имел права подписывать субаренду. Вас развели, мисс Хартли. Ваши деньги осели в карманах клерков, решивших срубить легкий рождественский кэш на временно пустующей усадьбе.

— Бред сивой кобылы! — отрезала я, чувствуя, как внутри всё закипает. — Юридический отдел моего генерального спонсора Hearthside лично проверял чистоту сделки!

— Корпоративные белые воротнички запрашивают электронные выписки из окружного кадастра, — парировал Коул с непробиваемой, убийственной логикой. — Они не знают, что Уолт строил эту кухню своими руками тридцать лет назад. Что каминную балку из мореного дуба он лично вытащил из-под обломков старой лесопилки. И что деревянный адвент-календарь, который вы так небрежно пристроили у самого огня, он вытачивал вручную долгие сорок лет.

Я на секунду онемела. Мой взгляд невольно метнулся к

каминной полке, где в полумраке темнел ореховый короб с двадцатью четырьмя латунными ручками.

«Для того, кто всё считает…»— снова прозвучало у меня в ушах.

Я сжала зубы, подавляя вспышку раздражения.

— Прекрасно. Допустим, мы столкнулись с двойным бронированием и юридической ошибкой. Мы решим этот вопрос цивилизованным путем прямо сейчас. Я звоню риелтору и помощнику шерифа.

Я решительно потянулась к смартфону, лежащему экраном вниз на мраморе.

— Вперед, — Коул беззаботно пожал широкими плечами и привалился бедром к краю кухонной тумбы, скрестив руки на груди. — Только взгляните сначала в окно, мисс Хартли.

Я скосила глаза на панорамную стену.

Там бушевал форменный ледяной ад. Ветер свистел с такой яростью, что столетние сосны за стеклом стонали и сгибались под углом в сорок пять градусов. Снежная круговерть стояла сплошной белой стеной, начисто стерев серпантин, подъездную дорожку и весь остальной мир.

Я перевернула свой телефон. В верхнем углу дисплея горел серый крестик: *«Только экстренные вызовы. Поиск сети…»*

— Перевал запечатало еще полтора часа назад, — спокойно, без тени злорадства произнес Коул. — Я с трудом пробился на полном приводе через нижний карниз и бросил

пикап в сугробе у развилки, дальше шел пешком по азимуту. Дорожная техника выйдет расчищать лесовозные трассы не раньше завтрашнего полудня, когда утихнет буря. Вышки сотовой связи на перевале обледенели. Мы отрезаны от Пайн-Холлоу как минимум на сутки.

Я медленно положила смартфон обратно на холодный камень.

Картина вырисовывалась потрясающая. Я заперта в стеклянном коттедже посреди глухого вермонтского леса. На улице минус пятнадцать и буран века. Связи нет. А прямо передо мной стоит двухметровый мужчина, взломавший замок, пахнущий кедром, озоном, опасностью и моей чертовой ванилью, и имеющий ключи от каждой двери в этом доме.

И самое невероятное: мне не было страшно до колик. Во мне бурлил холодный, азартный гнев.

— Отлично, мистер Бэннон, — сказала я, скрестив руки поверх перепачканного мукой фартука. Скалка осталась зажатой под мышкой, на манер полицейской дубинки. — Ситуация патовая. Но правила в этом доме буду диктовать я. Вы не делаете ни шага на мою половину. Вы ночуете внизу, у камина. К моим вещам, оборудованию и продуктам вы не прикасаетесь даже кончиком пальца. И первое, что вы сделаете прямо сейчас — откроете свой металлический чемодан. Я должна убедиться, что вы не приволокли сюда огнестрельное оружие или взрывчатку.

Коул тихо усмехнулся, склонив голову к плечу. В его ян-

тарных глазах снова заплясали черти.

— Оружие? Мисс Хартли, вы только что пытались проломить мне череп полуметровой дубовой скалкой и выжечь мне сетчатку кондитерским аэрозолем. Из нас двоих вооруженное нападение с особой жестокостью совершили вы.

— Чемодан. На стол. Сейчас же, — отрезала я ледяным тоном.

Коул тяжело вздохнул, признавая мое упрямство. Он нагнулся, поднял с пола массивный кейс с усиленными титановыми углами и водрузил его на свободный край острова.

Замки щелкнули с сухим, оружейным звуком. Крышка откинулась.

Я невольно вытянула шею, внутренне готовясь увидеть пачки стодолларовых банкнот, патроны или воровской арсенал.

Внутри кейса, в аккуратно вырезанных пазах из черного плотного полимера, покоился защищенный полевой ноутбук марки Panasonic Toughbook промышленного класса, компактный автономный сервер в матовом алюминиевом корпусе, связка зашифрованных твердотельных накопителей, бухта тонкого оптоволокна и портативный блок спутниковой связи с раскладной антенной.

Никаких пистолетов. Никаких ножей. Полный набор высококлассного инженера, системного аналитика или… хакера высшей лиги.

— Удовлетворены? — негромко спросил Коул, захлопы-

вая кейс. — Никакого криминала. Только сухая математика.

Он сунул руку в карман куртки и достал собственный телефон — черный, тяжелый, без логотипов, в бронированном чехле. Он нажал клавишу разблокировки, видимо, проверяя автономный спутниковый линк.

Я стояла в шаге от него, не опуская подбородок.

И в этот момент экран в его ладони внезапно озарился ядовитым, кроваво-красным светом.

По дисплею с бешеной скоростью побежали строки шестнадцатеричного кода, сменяясь крупным системным баннером с мигающей пиктограммой кругового радара:

«ВНИМАНИЕ. ТРЕВОГА БЕЗОПАСНОСТИ. Обнаружена внешняя триангуляция устройства. Источник пеленга: мобильный комплекс перехвата, сектор 4. Приближение наземных объектов».

Лицо Коула изменилось за десятую долю секунды.

Вся его вальяжная небрежность, вся насмешливость испарились без следа. Черты лица словно высекли из серого гранита, челюсти сжались так, что на щеках вздулись желваки. Ни секунды не раздумывая, он одним резким, выверенным движением пальцев сорвал заднюю крышку аппарата, выдернул аккумуляторный блок и переломил пополам тонкую пластинку SIM-карты, превращая гаджет в кусок мертвого пластика.

Мое сердце сжалось от дурного предчувствия.

— Что это за чертовщина? — мой голос сорвался на ше-

пот. — Кто вас отслеживает?!

Коул вскинул на меня взгляд — темный, предельно жесткий, опасный.

— Вам лучше этого не…

Он не успел договорить.

За гигантским панорамным окном коттеджа с оглушительным, металлическим треском полыхнула ослепительная сине-фиолетовая вспышка. Свет был такой чудовищной силы, что на мгновение выжег всю сетчатку, залив заснеженный вермонтский лес мертвенным неоновым сиянием.

Где-то на склоне, не выдержав веса полуметровой ледяной шапки, столетняя сосна с грохотом рухнула прямо на магистральную линию электропередач.

В распределительном щитке в коридоре с сухим треском выбило предохранители.

И коттедж «Хемлок-Лодж» моментально провалился в непроглядную, ледяную, абсолютную тьму.

Единственным звуком в мире остался свирепый, торжествующий вой бурана за стеклом и прерывистое, тяжелое дыхание нас двоих.

Наступила мертвая тишина. Коул замер, не шевелясь в темноте, растворившись в ней без остатка.

Я медленно опустила руку на разделочную доску, нащупала пальцами тяжелую деревянную рукоять из дамасской стали и с тихим, отчетливым металлическим шелестом сняла клинок с магнитной подставки.

В сгустившемся мраке кухни мой голос прозвучал ровно, холодно и лишь едва заметно завибрировал от бешеного адреналина в крови:

— Так. Никто не двигается. У меня в руке шеф-нож. Я умею резать им тридцать видов зелени.

Глава 5

Эбби

Тьма в загородном доме зимой — не просто отсутствие света. Это тяжелая, плотная масса, которая мгновенно лишает тебя ориентации и заставляет кожу покрываться мурашками.

— Тридцать видов зелени — это серьезная угроза, мисс Хартли, — негромко донеслось из темноты в метре от меня. В голосе Коула не было ни насмешки, ни испуга, лишь спокойная рассудительность. — Но нож вам сейчас не понадобится. Если мы не запустим резервную систему, дом остынет до уличной температуры часа за четыре. Трубы перемерзнут, и ваш рождественский контракт накроется медным тазом вместе со всей сантехникой.

— Где генератор? — спросила я, не опуская шеф-нож и медленно пятясь к противоположному краю острова, где лежал мой телефон.

— В техническом подвале под бойлерной. Старый дизель «Хонда». Уолт держал его в идеальном порядке, но автоматика там механическая, тумблерная. Нужно вручную прокачать топливную магистраль и дернуть стартер.

Я нащупала смартфон, нажала боковую клавишу и включила фонарик. Узкий белый луч ударил во мрак, выхватив из темноты лицо Коула. Он даже не прищурился. На его щеке

и темной щетине всё еще поблескивали микроскопические капли моего ванильного спрея, а глаза в прямом свете казались расплавленным янтарем.

— Вы идете впереди, — сказала я, опуская клинок к бедру, но не выпуская рукоять. — Руки держите на виду.

— Как прикажете, капитан, — хмыкнул он.

Мы спустились по крутой деревянной лестнице мимо бойлерной в низкий каменный подвал, где пахло соляркой, сухим бетоном и машинным маслом. Температура здесь уже стремительно падала. Я держала луч фонарика строго на массивном желтом корпусе генератора, пока Коул сноровисто орудовал вентилями.

Наблюдать за его руками было странно и завораживающе: длинные, сильные пальцы двигались без малейшей суеты, безошибочно находя в полумраке нужные тумблеры и краны перекрытия. Математик с руками механика. Никакой неловкости, никаких лишних движений. Он открыл топливный кран, трижды качнул рычаг ручной подкачки, вытянул заслонку и, упершись ботинком в стальную раму, с мощным рывком потянул шнур стартера.

Дизель глухо чихнул, выбросив сизый клуб дыма в вентиляционный короб, а со второй попытки басовито заурчал, переходя в ровный, размеренный гул.

Под потолком подвала тускло, в треть накала, загорелась аварийная желтая лампочка.

— Только минимальный контур, — предупредил Коул,

вытирая руки о ветошь и расправляя широкие плечи. — Котел, циркуляционный насос отопления и компрессор холодильника на кухне. На рождественскую иллюминацию мощности не хватит, солярки в баке литров тридцать, нужно беречь ресурс до приезда аварийщиков.

— Согласна, — кивнула я, убирая нож.

Мы поднялись наверх. Коттедж оживал медленно, наполняясь едва слышным глухим рокотом снизу и тихим щелканьем оживших термостатов, но основной свет так и не загорелся.

В гостиной царил бархатный сумрак. Я выставила на мраморный остров три толстые восковые свечи в тяжелых стеклянных банках — часть моего съемочного реквизита. Живые язычки пламени затрепетали, бросая на стены и стропила теплые, медовые тени. Дом мгновенно преобразился, превратившись из пугающей ловушки в нечто камерное, уютное и почти интимное.

— Итак, — я оперлась бедрами о край тумбы, скрестив руки на груди. — Документы. Вы обещали подтвердить, что не беглый маньяк.

Коул молча достал из нагрудного кармана бумажник и бросил его на мрамор передо мной. Я осторожно раскрыла кожаную книжку.

Водительское удостоверение штата Невада на имя Коула Бэннона. Судя по дате рождения, ему было всего двадцать девять. Четкий профиль, волевой подбородок. Ниже лежа-

ла пластиковая ID-карта независимого консультанта по прикладной криптографии и алгоритмическому анализу. Для своего возраста он выглядел слишком собранным, а в его янтарных глазах читался опыт человека, который успел заглянуть за кулисы больших и очень опасных денег

— Ваша очередь, — негромко сказал он, глядя на меня через дрожащее пламя свечи.

Я молча показала свои права штата Массачусетс и развернула принесенную с комода в прихожей толстую кожаную книгу отзывов коттеджа, которую нашла среди брошюр. Листая плотные пожелтевшие страницы с благодарностями туристов за прошлые годы, я наткнулась на рукописную запись на форзаце, сделанную размашистым, угловатым почерком:

«Хемлок-Лодж построен на совесть. Если застрянете в буран — дрова в левом дровянике, ключ от генератора под щитком. Не трогайте чертов календарь. Уолтер Грейсон».

Почерк идеально совпадал с чернилами в записке из адвент-календаря. А внизу стояла кривая приписка: *«Коул, если опять сожжешь предохранители своим сервером — чинить будешь сам. У.»*

Я медленно захлопнула книгу и перевела дыхание.

Камень, давивший на грудь последние два часа, наконец-то сполз вниз. Он не грабитель с большой дороги. Он действительно был здесь дома задолго до того, как риелторы выкатили этот лот в каталог элитного жилья.

— Перемирие до утра, — выдохнула я, глядя ему прямо

в глаза. — Вы спите внизу, на кожаном диване у камина. Я запираюсь в хозяйской спальне на втором этаже. Утром, как только расчистят дорогу и появится сеть, мы звоним шерифу и юристам *Hearthside*и решаем этот цирк законно.

— Справедливо, — кивнул Коул, и в полумраке его насмешливая улыбка показалась почти мягкой. — Но у меня встречное условие, мисс Хартли. Дрова в камине догорают. Если мы не подбросим березовых поленьев сейчас, через два часа здесь будет настоящий ледник. Поможете принести охапку с крыльца?

— Идет.

Мы натянули куртки и вышли через черную дверь на заднее крыльцо, защищенное широким деревянным навесом. Буран снаружи ревел как раненый зверь, швыряя в лицо ледяную пыль. Температура упала еще ниже, до костей пробирая даже сквозь шерсть свитера.

Дровяник располагался в трех метрах от двери, на широком дощатом помосте. Коул сноровисто набрал огромную охапку сухих березовых поленьев, пахнущих берестой и смолой. Я подхватила три небольших полена и охапку лучины для розжига, развернулась, делая шаг к двери, и…

Мой правый ботинок на гладкой резиновой подошве со свистом поехал по тонкой, незаметной корке наледи на ступеньке.

Земля мгновенно ушла из-под ног. Я коротко, испуганно охнула, роняя поленья, и приготовилась к сокрушительному

удару спиной о ледяной угол настила.

Глава 6

Удара не последовало.

Коул среагировал с поразительной, пугающей скоростью: он бросил дрова прямо в снег, выбросил вперед правую руку и намертво перехватил меня поперек талии в паре дюймов от ступеней.

Резкий рывок — и он вздернул меня вверх, впечатывая спиной прямо в свою широкую, твердую грудь.

Мы замерли.

Вокруг бесновалась метель, но в крошечном пространстве под навесом время словно остановилось. Я стояла, намертво прижатая спиной к его телу, чувствуя каждую линию его торса сквозь ткань куртки. Его рука, тяжелая, горячая и надежная, железным обручем держала меня за талию, не давая пошевелиться.

В морозной тишине было слышно только наше рваное, сбившееся дыхание. Белые клубы пара вырывались из наших губ, смешиваясь в воздухе перед моим лицом. Его подбородок почти касался моего виска; я кожей ощущала жар, исходивший от его шеи, и пьянящий, въедливый запах кедровой коры, морозного озона и терпкого мужского тела.

Мое сердце колотилось где-то в горле — не от страха падения, а от этой близости, от которой перехватывало дыхание так, словно мне под ребра вогнали раскаленный штырь.

Я медленно повернула голову. Наши взгляды встретились в полутьме крыльца. Его янтарные глаза потемнели до цвета черного кофе, зрачки расширились. Он не отпускал меня. Его ладонь на моей талии медленно, едва уловимо напряглась, притягивая меня еще плотнее.

— Осторожнее, мисс Хартли, — его голос прозвучал низко, хрипло, прямо возле моего уха, послав по позвоночнику электрический разряд такой силы, что пальцы на ногах подогнулись. — Гололед в Вермонте не прощает спешки.

Я сглотнула комок в пересохшем горле, собирая в кулак остатки самообладания.

— Я в порядке, — выдохнула я, упираясь ладонью в его предплечье. — Можете отпустить.

Он медленно разжал пальцы, позволяя мне твердо встать на обе ноги, но остался стоять в полушаге, готовый подстраховать в любую секунду.

Я подхватила выпавшие поленья, шагнула в спасительное тепло коридора и, обернувшись на пороге, посмотрела ему прямо в лицо, четко обозначая границы:

— И еще кое-что, мистер Бэннон. Никаких ночных прогулок на второй этаж. Не заходи в мою комнату.

Коул шагнул следом, неся дрова, и на его губах расплылась медленная, кривая, чертовски порочная ухмылка.

— Не буду, — тихо ответил он, и в его взгляде блеснуло опасное, обжигающее пламя. — Пока сама не позовешь.

У меня пересохло во рту, но я лишь гордо вздернула под-

бородок и зашагала на кухню.

Через полчаса камин в гостиной ровно и сыто гудел, бросая багровые отсветы на полированные доски пола и потолочные балки. Дом наполнился благодатным, мягким теплом.

Я зажгла конфорку на тяжелой газовой плите — спасибо строителям коттеджа, баллонный газ не зависел от генератора. Мысли путались, но желудок настойчиво напоминал, что со времен утреннего сэндвича на заправке в Конкорде я не съела ни крошки.

Я достала из своих коробок тяжелый сотейник, открыла банку цельных томатов в собственном соку, бросила на сковороду раздавленный зубчик чеснока, щепотку сухого орегано и пару капель оливкового масла первого отжима. Следом в кипящую воду отправилась пачка итальянских спагетти из твердых сортов пшеницы.

Кухня наполнилась густым, пряным, дразнящим ароматом жареного чеснока, сладких томатов и базилика.

Коул сидел на низком деревянном табурете у камина, вытянув длинные ноги в тяжелых ботинках к огню, и молча наблюдал за мной. Я была готова к насмешкам или едким комментариям, но их не последовало. В его взгляде было что-то глубокое, почти гипнотическое — так смотрят на огонь после многодневного скитания по ледяной пустоте.

Я разложила пасту по двум глубоким керамическим тарелкам, щедро посыпала тертым выдержанным пармезаном

и поставила одну из них на край стола перед ним, добавив вилку.

— Ешьте. Не хватало еще, чтобы вы свалились в голодный обморок и мне пришлось тащить вашу тушу на диван.

Коул поднял на меня глаза, и в них промелькнуло искреннее, неподдельное удивление.

— Спасибо, Эбби, — тихо сказал он, впервые назвав меня по имени без своей ироничной приставки «мисс».

Он взял вилку и отправил в рот первую порцию. На его лице отразилось такое чистое, первобытное гастрономическое блаженство, что я невольно отвела взгляд, чувствуя, как к щекам приливает румянец.

Я села напротив, за мраморный остров, и начала есть свою порцию.

И внезапно поймала себя на странном, почти пугающем открытии. Впервые за черт знает сколько месяцев — может быть, впервые за последние два года — я готовила еду не для того, чтобы выставить идеальный свет на двадцать четыре кадра в секунду. Не для того, чтобы спонсор вставил логотип в титры, и не для того, чтобы Брэндон снисходительно кивнул между проверкой биржевых котировок в телефоне.

Я приготовила простой, горячий ужин просто потому, что рядом был живой, голодный человек. И видеть, как он ест мою еду, было чертовски, невероятно приятно.

В половине одиннадцатого мы разошлись. Коул устроился на широком кожаном диване перед камином, подложив под

голову шерстяной плед. Я поднялась на второй этаж, заперла тяжелую дубовую дверь спальни на задвижку, разделась и забралась под пуховое одеяло.

Сон не шел. Ветер за окном выл, ветки сосен скребли по карнизу, а в голове снова и снова вспыхивал тот момент на обледенелом крыльце: жар его ладони на моей талии, запах кедра и его низкий, хриплый голос: *«Пока сама не позовешь»*.

Я ворочалась битый час. Горло саднило от сухости.

В два часа ночи я не выдержала. Натянув серые фланелевые штаны и безразмерный шерстяной кардиган, я босиком выскользнула из спальни. Деревянные ступени скрипели под ногами с предательской громкостью.

В гостиной догорали угли, заливая комнату тусклым кровавым маревом. Коул спал на диване, отвернувшись к спинке, мерно и глубоко дыша, укрытый пледом до самых плеч.

Я бесшумно прокралась мимо него к кухне, намереваясь налить стакан фильтрованной воды из графина.

Но проходя мимо глубокой кладовой под лестницей, где хранились запасы и стояли технические стеллажи, я замерла.

Дверь кладовой была приоткрыта на пару дюймов. Из щели падал слабый, отраженный от углей камина отблеск.

На полу, прямо на мешках с древесным углем, стоял металлический чемодан Коула с титановыми углами — тот самый, который он открывал передо мной вечером.

Но сейчас он выглядел иначе.

Защитный ноутбук Коул, видимо, вытащил перед сном, а когда убирал кейс в спешке в темноте, один из кодовых замков сорвался от удара об угол полки. Верхняя крышка перекосилась, фальшивое поролоновое дно сдвинулось в сторону.

И сквозь эту щель было видно то, что не предназначалось для моих глаз.

Внутри плотными, запаянными в вакуумную пленку брикетами лежали пачки денег. Сотни. Тысячи. Новенькие стодолларовые купюры с синей защитной полосой, уложенные ровными, тяжелыми кирпичами. Там было целое состояние — сотни тысяч, а может, и миллион долларов наличными.

А прямо поверх хрустящей бумаги, матово поблескивая в полумраке, лежала тяжелая керамическая фишка казино увеличенного диаметра.

Черно-золотая, с инкрустацией из перламутра и тисненым золотым логотипом: хищный карточный туз, обвитый золотой змеей, и надпись полукругом:

«GOLDEN ACE CASINO · LAS VEGAS · PRIVATE HIGH ROLLER ROOM · $100,000».

У меня перехватило дыхание. Воздух застрял в легких ледяным комом.

«Боже правый. Он не математик. Он…»

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, движимая парализующим шоком, я протянула дрожащую руку, коснулась холодного керамического диска и подняла его на уровень

глаз. Фишка была тяжелой, настоящей, пахнущей дорогим сигарным табаком и металлическим лаком.

И в эту секунду прямо из темного проема за моей спиной, так близко, что тепло чужого дыхания коснулось моих волос, прозвучал тихий, бархатный, пугающе спокойный голос Коула:

— Эбби, положи фишку на место. Я всё объясню. Дай мне пять минут и кружку твоего горячего шоколада.

Глава 7

Пятница, 4 декабря

Коул

У мисс Хартли обнаружились удивительно крепкие нервы для женщины, которая еще три часа назад забивала мне ноздри кондитерским ванилином и плакала над разорванным пакетом муки. Ее спина под безразмерным серым кардиганом натянулась, как тетива, обнажив тонкую шею с выбившимися темными прядями.

Я стоял в дверном проеме кладовой, не приближаясь ни на дюйм, босиком, в одних темных тренировочных штанах. В кладовой пахло сухим картофелем, моим запыленным кейсом и холодом.

— Медленно повернись, — не оборачиваясь, потребовала она. В ее голосе звенел металл. — Отойди на два шага назад.

— Уже сделал, — ответил я, послушно отступая в сумрак кухни и садясь на высокий барный табурет у мраморного острова.

Она вышла из кладовой с керамической фишкой в кулаке. Черно-золотой диск со змеей и номиналом в сто тысяч долларов выглядел в ее аккуратной женской ладони как кусок радиоактивного урана. На лице — ледяная смесь профессионального шока и кулинарной собранности, с которой разделывают тушу: холодно, без суеты, выбирая, куда вонзить

лезвие.

— Ты грабитель, — сказала она. Она констатировала факт, складывая два и два. — Там лежит минимум миллион. Наличными.

— Ровно один миллион сто сорок тысяч, — поправил я, поднимая ладони в миролюбивом жесте. — До последнего цента. Ни долларом больше, ни долларом меньше.

— И ты притащил их сюда. В дом, который я арендовала для коммерческой съемки.

— Эбби. Горячий шоколад. Ты обещала пять минут.

Она буравила меня взглядом секунд десять, словно решая, прикончить меня прямо сейчас или сначала допросить. Потом шумно выдохнула, швырнула фишку на середину острова — керамика глухо звякнула о мрамор — и круто развернулась к плите.

В этом была вся Эбигейл Хартли: когда мир вокруг летел ко всем чертям, она начинала готовить.

Я сидел и смотрел, как она двигается в неровном золотистом свете трех свечей. Ни одного лишнего жеста. На конфорку встал тяжелый медный сотейник. В него полетело цельное молоко, щепотка морской соли, ломаный горький шоколад, палочка корицы и кончик стручка чили. Она взбивала смесь маленьким венчиком, пока густая, глянцевая жидкость не начала пузыриться, источая плотный, дурманящий аромат какао и огня.

Перед тем как налить шоколад в две тяжелые керамиче-

ские кружки, она плеснула туда по щедрой капле темного вермонтского кленового сиропа.

Кружка стукнула передо мной.

— У тебя пять минут, — сказала она, садясь напротив и обхватывая свою чашку обеими ладонями. — И лучше бы твоей версии быть безупречной, Бэннон.

Я сделал глоток. Горячая, густая волна с острым перченым послевкусием обожгла горло, мгновенно разгоняя по жилам тяжелое тепло. Женщина была гением, признавать это стоило без лишней скромности.

— Слышала про Маркуса Вейла? — спросил я.

Эбби слегка нахмурилась:

— Миллиардер из игорного бизнеса. Владеет сетью отелей и казино по всей Неваде. Говорят, меценат, жертвовал на детские больницы в Бостоне.

— Меценат с душой стервятника, — сухо усмехнулся я. — Его главное сокровище — «Золотой Туз». Закрытое, полуподпольное казино в Вегасе для ультрабогатых. Вход по персональным биометрическим картам, минимальная ставка на вип-столе — двадцать пять тысяч. В юности я был идиотом с красным дипломом Массачусетского технологического и пустой головой. Я искал спонсоров для исследовательских грантов по теории вероятностей и стохастическим процессам. Вейл нанял меня написать базовую архитектуру для их электронных игровых терминалов и цифрового сукна.

Эбби не перебивала. Ее карие глаза в свете свечи казались

почти черными, внимательными, цепкими.

— Я написал чистую, идеальную математическую модель, — продолжал я, глядя в кружку. — Абсолютный рандом, подчиняющийся квантовым генераторам случайных чисел. Честная игра с фиксированным преимуществом казино в один целых две десятых процента. Это стандартный легальный сбор игорного дома. Вейл пожал мне руку, выписал чек и забыл обо мне на десять лет. А три месяца назад ко мне обратился мой бывший профессор. Его сын проиграл в «Золотом Тузе» трастовый фонд семьи — все подчистую, за сорок восемь часов, играя по системе, которая статистически не могла дать серию из семидесяти проигрышей подряд.

— Вероятность стремится к нулю? — тихо спросила она.

— Один шанс на триста миллиардов, — отрезал я. — Это невозможно во Вселенной, где действуют законы физики. Я влез в закрытую сервисную сеть казино. Вскрыл их серверную архитектуру через старый сервисный бэкдор, который сам же и оставил в кодовой базе как метку разработчика. И обнаружил, что главный системный архитектор Вейла переписал мой код.

Я подался вперед, положив локти на мрамор:

— Они внедрили адаптивный алгоритм перехвата. Если игрок делал крупные ставки, система в реальном времени считывала баланс его счетов и подкручивала математическое ожидание в пользу заведения на сорок семь процентов. Это был не азарт, Эбби. Это была автоматизированная цифровая

мясорубка. Они грабили людей до нитки, прикрываясь вывеской элитного клуба.

— И ты решил восстановить справедливость? — в ее голосе прозвучала легкая ирония, но глаза оставались серьезными.

— Я математик. Я ненавижу, когда ломают красивую формулу ради дешевой наживы. Я сел за вип-стол в ночь на первое декабря. На мне была модифицированная гарнитура с микрокамерой, транслировавшая поток на мой сервер в машине. Я просчитал шаг подкрутки алгоритма. Ровно в три часа ночи система дала сбой синхронизации при пересчете пула, и я перегрузил контур через кассовый терминал, забрав выигрыш. Ровно миллион сто сорок тысяч долларов. Ни центом больше того, что этот скрипт украл за последние шесть месяцев у трех сотен разоренных игроков.

— А фишка?

— Трофей, — я пожал плечами. — И ключ. Внутри керамического корпуса впаяна зашифрованная микросхема с полными логами серверов «Золотого Туза». Доказательства того, что алгоритм был подкручен намеренно.

Эбби медленно сделала глоток шоколада. Ее взгляд упал на черно-золотой диск на столе.

— Вейл не пойдет в полицию, — медленно проговорила она, выстраивая логическую цепочку. — Потому что расследование вскроет махинации с софтом и уничтожит его игорную лицензию по всей стране.

— Бинго. Он отправил за мной своих цепных псов. Корпоративную службу безопасности. У них есть радиопеленгаторы и доступ к полулегальным системам триангуляции сотовых вышек. Именно поэтому сегодня мой телефон заверещал, как резаный, пока буря не срезала ЛЭП.

В кухне повисла долгая тишина. Слышно было только глухое завывание ветра за панорамным триплексом и мерное, убаюкивающее урчание дизель-генератора в подвале.

Глава 8

Эбби молчала. Она крутила тяжелую кружку в пальцах, опустив ресницы. Я ждал. В Вегасе люди при виде миллиона наличными вели себя предсказуемо: либо пытались выторговать долю, либо бежали без оглядки, либо сдавали тебя с потрохами первому встречному патрулю.

Она подняла глаза. В них не было ни жалости, ни паники.

— Мне не нравится закон, который ты нарушил, — произнесла она ровным, удивительно спокойным голосом. — Воровство остается воровством, даже если ты грабишь грабителя с помощью умных формул.

Она помолчала секунду, затем ее губы тронула едва заметная, горьковатая полуулыбка:

— Но мне нравится, что ты не прячешься за чужими спинами. Мой бывший жених при малейшей проблеме подставлял других — меня, партнеров, подчиненных. А ты взял удар на себя.

Эбби протянула руку и кончиками пальцев осторожно, бережно смахнула ванильную пыль с моего плеча. Ее прикосновение обожгло кожу даже сквозь ткань свитера. Мягкое. Чистое. Без скрытого подтекста и расчетливого ожидания выгоды.

Внутри меня что-то щелкнуло и встало на место. Послед-

ние восемь лет все вокруг оценивали меня по толщине чека, проценту отката или точности прогноза для ставок. Никто не касался меня просто так. Никому не было дела до того, кто я, пока работали мои формулы.

— Что ты собираешься делать с этими деньгами дальше? — тихо спросила она, убирая руку.

Я сделал глубокий вдох, глядя на пляшущие язычки свечей:

— Вернуть долги пострадавшим игрокам через анонимные счета. А остаток… легализовать через судебную сделку и запустить *Fairplay*.

— Что это?

— Независимый открытый аудит алгоритмов для онлайн-игр и финансовых платформ, — мои губы тронула усмешка, но в голове уже привычно выстраивались стройные ряды блокчейн-протоколов и криптографических ключей. — Серверная система с нулевым разглашением. Любой игрок в мире сможет в один клик проверить, честен ли генератор случайных чисел, не раскрывая своих данных. Абсолютная прозрачность. Убийца подкрученных казино.

Эбби склонила голову набок, с интересом разглядывая меня:

— Мечтатель-идеалист с чемоданом краденого кэша.

— Звучит как неплохое название для стартапа, — парировал я.

Эбби не оценила иронию. Она медленно поднялась из-за

острова, сгребла пустые керамические кружки и демонстративно унесла их к раковине. Ее движения были чересчур резкими — фарфор звякнул о металл с сухим, нервным щелчком. Она уперлась ладонями в мокрую столешницу, постояла пару секунд, глядя в темное стекло, за которым выла метель, а затем резко обернулась ко мне.

В ее карих глазах больше не было теплоты от выпитого шоколада. Там снова горел жесткий, холодный огонь женщины, готовой насмерть защищать свою территорию.

— Мы не договорили, Бэннон, — произнесла она негромким, но предельно ровным тоном. — О главном.

Я остался сидеть на высоком табурете, не делая ни малейшей попытки сократить дистанцию. В карточной игре, как и в переговорах с испуганным человеком, резкие движения убивают партию на корню.

— Слушаю внимательно, мисс Хартли.

Она скрестила руки на груди, плотнее запахивая серый шерстяной кардиган, словно выстраивая между нами глухую стену:

— Ты в моем доме на птичьих правах. До утра, пока не прояснится погода. Я не знаю тебя, я не верю ни единому твоему слову про благородных робин гудов, и я прекрасно помню, что в десяти метрах от меня лежит миллион долларов, за который людей закатывают в бетон.

— Справедливо, — спокойно кивнул я.

— Поэтому мы прямо сейчас зафиксируем протокол, —

отчеканила она, сделав полшага вперед и уперев тяжелый, буравящий взгляд мне в переносицу. — Пункт первый: ты не подходишь ко мне ближе чем на два шага. Никогда. Ни на кухне, ни в коридоре, ни у камина. Пункт второй: если я готовлю, убираю или работаю со светом — ты сидишь на месте и не отсвечиваешь. Пункт третий: любые резкие движения, попытки прикоснуться, вторгнуться в мое пространство или скомандовать, что мне делать в моем арендованном доме — и ты вылетаешь на мороз с чемоданом подмышкой. Плевать на бурю и твоих преследователей.

Я чуть склонил голову к плечу, разглядывая ее с искренним профессиональным уважением. На ее щеках проступил яркий, лихорадочный румянец, под тонкой кожей на шее бешено кололся пульс, но подбородок был вздернут с таким упрямством, будто она держала оборону против целого взвода морпехов.

— Понял, принял, записал, — ровно отозвался я. — Единственный вопрос, Эбби: как ты поймешь, что я нарушил периметр непреднамеренно? Коттедж не резиновый. Двери узкие, проходы темные. Если я случайно шагну из кладовой и окажусь в полуметре от тебя — ты сразу огреешь меня чугунной сковородой?

— Огрею, — без тени сомнения пообещала она. — Если ты не среагируешь на команду.

— И какая у нас команда? Крик? Сирена?

— Стоп-слово.

Я не удержался — тихо хмыкнул, приподняв бровь:

— Серьезно? Стоп-слово? Обычно этот термин используют в совсем других комнатах, мисс Хартли.

— Не опошляй то, в чем ни черта не смыслишь, Бэннон, — ледяным тоном оборвала она, но ее ресницы предательски дрогнули. — Мне нужен четкий, однозначный триггер. Звуковой сигнал экстренного торможения для обнаглевшего гостя. Услышал его в темноте — руки за спину, замер на месте и сделал шаг назад. Без шуток, без ухмылок и без споров.

— Логично. В протоколах безопасности это называется аварийным прерыванием контура. Какое слово? «Красный»?

— Слишком банально, — отрезала она, обводя быстрым взглядом кухню. Ее взгляд зацепился за батарею баночек со специями на полке, жестяную коробку с выпечкой и деревянную скалку. — «Пряник».

Я моргнул. Секунды три я просто переваривал услышанное, глядя на ее абсолютно серьезное, воинственное лицо.

— «Пряник»? — переспросил я с недоверием. — Ты хочешь сказать, что если я случайно прижму тебя в узком дверном проеме цоколя, ты крикнешь мне в лицо «пряник»?

— Не просто крикну. Я потребую немедленного исполнения, — она дернула плечом, но в уголках ее губ на долю секунды мелькнула тень подавленной улыбки. — Это моя кухня, Бэннон. И это идеальное слово. В нем ноль пафоса и ноль романтики. Услышал «пряник» — сделал шаг назад. Договорились?

Я медленно поднялся с барного стула. Выпрямился во весь рост, намеренно заложив ладони за спину, чтобы не провоцировать ее защитные рефлексы. Ровно два метра дистанции. Ни сантиметром меньше.

— Договорились, мисс Хартли, — негромко сказал я, глядя прямо в ее темные, настороженные глаза. — «Пряник». Кодовое слово принято в систему. А теперь марш наверх, пока ты не выдумала еще десяток параноидальных инструкций. До рассвета я из кухни ни ногой.

Она еще секунду сверлила меня взглядом, проверяя на прочность мой нейтралитет, затем коротко кивнула своим мыслям, развернулась и зашагала к лестнице, бесшумно ступая в шерстяных носках по деревянным ступеням.

Только когда скрип половиц на втором этаже стих, я позволил себе шумно выдохнуть и покачать головой.

«Пряник». Святые угодники. Женщина прятала краденый миллион мафии и защищалась от меня рождественской выпечкой.

Утро пятницы началось не с рассвета, а с сизого, мутного полумрака. Буран за окнами не утих — он набрал чудовищную, свирепую силу...

Утро пятницы началось не с рассвета, а с сизого, мутного полумрака. Буран за окнами не утих — он набрал чудовищную, свирепую силу. Снежные вихри с ревом кружили вокруг коттеджа, вздымая сугробы выше перил террасы. В доме держалось приятное тепло, поддерживаемое котлом и ка-

мином, но термометр за стеклом показывал минус двадцать.

После быстрого завтрака из остатков пасты и крепкого черного кофе Эбби спустилась со мной в цокольный этаж.

Здесь, в глубине каменного подвала рядом с кладовой для вин, стояла промышленная морозильная ларь объемом в пятьсот литров — реликвия Уолта, которую он использовал для хранения оленины после осенней охоты. Морозилка была забита продуктовыми запасами Эбби: тремя огромными шестнадцатикилограммовыми фермерскими индейками в вакуумных пакетах, коробками со сливочным маслом и брикетами ягодных пюре.

— Освобождай дно, — скомандовала Эбби, натягивая плотные хозяйственные перчатки.

Мы слаженно, без лишних слов принялись за дело. Мой металлический кейс идеально лег на самый низ ларя, прижавшись к компрессорной решетке. Поверх него мы аккуратно уложили ледяные брикеты клюквы и черники, а сверху водрузили трех каменных от мороза птиц.

Когда мы закрыли последнюю упаковку, наши руки случайно соприкоснулись над обледенелой тушкой индейки.

Пальцы Эбби были холодными, мои же наоборот горели. Мы замерли на пару секунд, глядя друг на друга в неверном желтом свете подвальной лампы. Ее дыхание сорвалось легким облачком пара. Никакой неловкости — только плотное, густое напряжение, от которого воздух между нами словно загустел. Она первой мягко убрала ладонь, захлопнула тяже-

лую крышку морозильника и защелкнула стальной замок.

— Идеально, — сказала она, поправляя выбившуюся прядь. — Даже если сюда заявится ФБР с собаками, они найдут только основу для рождественского банкета на пятьдесят персон.

— Уолт бы оценил изящество маскировки, — хмыкнул я.

Разговор о старике заставил нас вернуться наверх, к камину.

Там, на дубовой балке, молчаливо ждал деревянный адвент-календарь. Я подошел к нему, чувствуя, как в горле встает жесткий комок. Уолт был единственным человеком, который вправлял мне мозги, когда я заигрывался в бога вероятностей.

— Ты открыла третье окошко, — сказал я, касаясь полированного ореха.

— Да. Там была еловая ветка и записка.

— Уолт не делал линейных загадок. Он был часовщиком и фанатом параллельных шифров.

Я подошел к камину и положил ладонь на темное дерево адвент-календаря. Сердце глухо кольнуло.

— Ты открыла третье окошко, — сказал я.

— Да. Там была еловая ветка и записка про расчет.

— Уолт никогда ничего не делал просто так. Он был не просто часовщиком. Он был архитектором систем задолго до того, как этот термин придумали в Кремниевой долине. И он ненавидел незавершенные циклы.

Я потянул за латунные желуди на ящичках под номерами один, два и четыре. Они поддались разом, с мягким механическим щелчком потайных пазов. На сукно каминной полки высыпались латунная шестеренка, полоска перфорированной ленты и стальной трехгранный ключ.

Эбби подошла ближе, с любопытством разглядывая странный набор:

— Это что… запчасти?

— Это координаты, — тихо ответил я, сжимая в руке холодный металл. — На дальнем краю участка, за соснами, стоит старая деревянная мастерская Уолта. Там он работал последние десять лет. И там, вмонтированный в гранитный фундамент, стоит бронированный сейф с шестизначным механическим замком.

— И что в нем? — Эбби вскинула брови. — Деньги?

— Если бы мне нужны были деньги, Хартли, мне бы хватило чемодана в твоей морозилке, — сухо усмехнулся я. — В сейфе лежит единственная вещь, которая способна спасти мне жизнь. Мое алиби.

Она замерла, вглядываясь в мое лицо:

— Объясни.

— Когда я ушел от Маркуса Вейла десять лет назад, поняв, во что превращается его казино, я приехал прямиком сюда, к Уолту. Я вывалил на него всю свою панику и стыд за то, что создал основу для цифрового монстра. Уолт не стал меня утешать. Он заставил меня сесть и запротоколировать

каждую строчку моего оригинального кода. Все чистые математические модели, все формулы случайных чисел с датами и цифровыми подписями. Мы оформили это как научную рукопись и заверили у его нотариуса в Монтпилиере.

Я постучал костяшкой пальца по ореховому корпусу календаря:

— Сейчас для полиции и юристов Вейла я — хакер и вор, укравший миллион долларов из кассы элитного заведения. Они уничтожат меня и сотрут в порошок. Но если я достану бумаги из сейфа Уолта, картина перевернется на сто восемьдесят градусов. Они докажут федеральным регуляторам, что мой изначальный алгоритм был абсолютно честным, а грабительскую подкрутку внедрил лично Вейл. Это не просто защита от тюрьмы, Эбби. Это ядерная кнопка против империи Вейла. И мой единственный пропуск в легальный бизнес. Без них стартап Fairplay никогда не взлетит.

— Тогда почему ты просто не срежешь замок автогеном? — нахмурилась она.

— Потому что это сейф Уолта, — хмыкнул я. — Литой титановый корпус пятидесятых годов с защитой от термического взлома и пиропатроном внутри, который при попытке сверления мгновенно заливает содержимое химической кислотой. Открыть его можно только чистым шестизначным кодом на поворотном лимбе.

Я указал на ящички календаря:

— Уолт знал, что я когда-нибудь вернусь за этими бума-

гами. Но он был параноиком и старым учителем, который до самой смерти любил задавать мне домашние задания. Он не оставил комбинацию на бумажке. Он разбил шестизначный пароль на шесть подсказок и спрятал их внутри этого календаря. Каждая решенная головоломка дает ровно одну цифру шифра.

Эбби покачала головой, оглядывая латунные желуди на фасаде шкатулки:

— То есть сумасшедший часовщик устроил тебе квест ценой в собственную свободу?

— Он устроил его нам обоим, — поправил я, глядя ей прямо в глаза. — Потому что без твоей кухни и твоего спокойствия я бы сошел с ума от этих уравнений еще на второй цифре.

— И ты знаешь, как ее решить?

— Дай мне пару дней и немного свободного времени между пряниками, — усмехнулся я.

— Подожди, — нахмурилась Эбби, оглядывая темный ореховый фасад шкатулки. — Если на кону стоит твоя свобода, почему мы просто не разнесем этот чертов ящик кочергой? За пять минут вытряхнем все двадцать четыре ячейки и заберем все подсказки разом.

Я тихо усмехнулся и покачал головой:

— Потому что Уолт сорок лет чинил хронометры для швейцарских банков и страдал маниакальной паранойей. Посмотри на заднюю стенку.

Я чуть повернул тяжелый деревянный корпус к свету свечи. В узкой технологической щели между ореховыми панелями тускло блеснули медные зубчатые колеса и длинный маятниковый стержень.

— Внутри встроен механический суточный замок с анкерным спуском, — пояснил я, проводя пальцем по латунной окантовке. — Заводная пружина взведена на весь период с момента открытия первого ящика. Храповик делает ровно один щелчок каждые двадцать четыре часа. Следующий ящичек физически невозможно открыть раньше, чем часы пробьют полночь своего дня — внутренний кулачковый вал держит ригели намертво.

— А если применить силу? Лом, топор, монтировка?

— Уолт предусмотрел и это. Вдоль направляющих стоят тончайшие стеклянные ампулы с реактивом, завязанные на каленый срывной штифт. Попробуешь взломать ячейку силой или сорвать дверцу раньше времени — пружина лопнет, ампула разобьется и едкая кислота за три секунды превратит все бумажные записки и микропленки внутри в черную кашицу. Мы потеряем координаты навсегда.

Эбби перевела ошеломленный взгляд с латунных шестеренок на меня:

— Старик создал адвент-календарь с часовым механизмом и системой самоуничтожения?

— Старик преподал мне последний урок, — сухо отозвался я. — В Вегасе я привык ставить всё на кон за полторы се-

кунды. Уолт знал это. И этим механизмом он принудительно заставляет меня учиться выдержке. Шаг за шагом. День за днем. Ровно по одной цифре в сутки.

Остаток дня прошел в странном, обманчиво мирном симбиозе. Эбби возилась на кухне, методично отмывая гарнитур от вчерашней муки и готовя реквизит для завтрашней съемки. Я сидел за столом с блокнотом, набрасывая архитектуру безопасности для *Fairplay*и просчитывая математические модели шифрования.

К пяти часам вечера за окнами начали сгущаться плотные зимние сумерки. Метель на мгновение ослабла, снег пошел густыми, тяжелыми хлопьями, превращая лес в глухую белую пустыню.

Я поднял голову от блокнота, потирая переносицу. И в ту же секунду краем глаза уловил нечто чужеродное.

Далеко внизу, на гравийном серпантине, сквозь плотную пелену падающего снега пробились две мощные, ослепительно-желтые полосы света.

Фары.

Тяжелый внедорожник медленно, с надсадным ревом полного привода пробивал себе путь через полуметровые сугробы, поднимаясь прямо к коттеджу «Хемлок-Лодж».

Сердце внутри сжалось в ледяной ком. Адреналин ударил в виски.

«Слишком быстро. Как они вышли на этот сектор в буран?!»

Я бесшумно вскочил на ноги, жестом приказывая Эбби замолчать. Она замерла у раковины с полотенцем в руках, мгновенно поняв всё без слов. Ее лицо побелело, но глаза будто загорелись.

Внедорожник с глухим урчанием замер на подъездной дорожке у самого крыльца. Хлопнули тяжелые двери. По деревянным ступеням затопали массивные ботинки, стряхивая снег.

А через три секунды в массивную дубовую дверь коттеджа раздался бодрый, раскатистый, совершенно нелепый стук кулака, за которым последовал громкий, хрипловатый голос:

— Эй, хозяева! Доставка! Горячая пицца из «Пайн-Холлоу»! Открывайте, пока сыр не замерз к чертовой матери!

Я метнулся к стойке с ножами, но Эбби оказалась быстрее.

Она подлетела к входной двери, плавно прижалась глазом к линзе оптического глазка и застыла. На крыльце, переминаясь с ноги на ногу в свете тусклого фонаря, маячили две гигантские фигуры в темных стеганых куртках и вязаных ярко-красных шапках Санта-Клауса с белыми помпонами. В руках один из них держал термосумку, от которой даже сквозь щели несло дешевым пепперони.

Расти и Дейл. Коллекторы Вейла. Тупые, тяжелые, как шлакоблоки, но феноменально упрямые вышибалы.

Эбби резко отпрянула от двери, схватила меня за плечо и с силой толкнула в сторону узкого технического проема под

лестницей. Ее глаза горели холодным огнем.

— У тебя десять секунд, — прошептала она с обжигающей решимостью. — Спрячься и дай мне сыграть мою роль.

Глава 9

Коул

Узкая щель между приоткрытой дверью подсобки и косяком давала мне обзор ровно в тридцать градусов.

В этих тридцати градусах разворачивался лучший психологический триллер сезона, и режиссером в нем была женщина в перепачканном мукой фартуке, вооруженная фарфоровым заварником.

Входная дубовая дверь распахнулась с протяжным скрипом, впуская в дом клубы морозного пара, запах бензиновой гари, мокрой овчины и дешевого разогретого пепперони. На пороге возникли двое.

Если бы в криминальном мире проводили кастинг на роли классических вышибал, эта парочка взяла бы гран-при без проб. Тот, что повыше — Расти, — напоминал шкаф для посуды, обтянутый темным нейлоном: квадратная челюсть с трехдневной щетиной, маленькие свиные глазки, тяжелый взгляд профессионального сборщика долгов и ярко-красная вязаная шапка Санта-Клауса с белым помпоном, съехавшая на левое ухо. Следом ввалился Дейл — пошире в кости, круглый, с вечно озабоченным выражением пухлого лица, в точно такой же дурацкой шапке и с прямоугольной термосумкой под мышкой.

Они оба дрожали мелкой, противной дрожью. Брови об-

леденели, щеки пылали свекольным румянцем — вермонтский перевал не щадил городских франтов из Вегаса, сунувшихся в буран в демисезонных ботинках на гладкой подошве.

— Добрый вечер, джентльмены! — голос Эбби прозвучал так звонко, радостно и естественно, словно она ждала именно этих двоих последние двадцать лет.

Она не отступила ни на шаг, загораживая проход вглубь коридора с грацией хозяйки великосветского салона.

— Ну надо же, доставка! В такую погоду? Вы просто герои. Но боюсь, произошла чудовищная ошибка — я не заказывала пиццу. У меня здесь съемки кулинарного цикла, я сама пеку.

Расти тяжело, с хрипом втянул носом воздух. Его маленькие глазки цепко обшаривали холл: коробки с реквизитом, висящие на крючках куртки, отсветы камина в гостиной. Правая рука его при этом небрежно покоилась в глубоком кармане куртки — я готов был поставить годовой доход на то, что пальцы его сжимали рукоять электрошокера или пневматического травмата.

— Ошибочка, говорите? — пробасил Расти, вытирая мокрый нос тыльной стороной засаленной перчатки. — А нам диспетчер сказал: коттедж «Хемлок-Лодж», крайняя точка по серпантину. Мы, между прочим, внедорожник в сугробе у ваших ворот на брюхо посадили. Раздатка сдохла, снегу по пояс. До трассы пять миль пешком по бурану. Так что,

мисс, либо вы пустите нас погреться у огня, пока мы ждем тягач, либо завтра утром шериф будет выковыривать из сугроба два свежемороженых трупа в новогодних колпаках.

— Господи, какой кошмар! — всплеснула руками Эбби с неподдельным ужасом в голосе. — Заходите немедленно! Разувайтесь прямо здесь, бросайте куртки, не стойте на сквозняке. Простудите легкие — никакой тягач не понадобится!

Она засуетилась вокруг них с такой обезоруживающей материнской заботой, что даже каменное лицо Расти на секунду дало трещину.

Они стянули куртки, обнажив внушительные животы под клетчатыми фланелевыми рубашками, и неуклюже, на цыпочках просеменили в носках по полированному паркету в тепло гостиной. Дейл плюхнулся на край широкого дивана перед ревущим пламенем камина и блаженно застонал, протягивая закоченевшие пальцы к огню:

— Господи Иисусе… Благослови этот очаг. Я думал, пальцы на ногах прямо в ботинках отвалятся.

— Сейчас, сейчас, одну минуту! — щебетала Эбби, порхая между мраморным островом и камином.

В ее руках, точно у фокусника, возникли две тяжелые глиняные кружки.

— Никакого чая, он не удержит тепло. Только горячий шоколад с корицей и каплей кленового сиропа. Пейте медленно, мелкими глотками.

Она сунула кружки опешившим громилам, попутно набросив на плечи Дейла толстый шерстяной плед крупной вязки.

Дейл поднес кружку к губам, сделал осторожный глоток, замер… и его пухлое лицо озарилось выражением абсолютного, почти религиозного экстаза. Он шумно втянул носом пар:

— Расти… ты попробуй. Это ж не какао из автомата на заправке. Тут… тут мускатный орех? И ваниль натуральная?

Он поднял глаза на суетящуюся Эбби, прищурился, вглядываясь в ее профиль, и вдруг его челюсть медленно поползла вниз:

— Погоди… Святые угодники. Расти! Это же она!

— Кто «она», придурок? — буркнул Расти, подозрительно косясь на пламя.

— Да это же Эбби Хартли! «Сладкие секреты Новой Англии»! Канал «Домашний уют»! — Дейл едва не расплескал шоколад на плед от распиравшего его восторга. — Мисс Хартли, клянусь мамой, я все ваши выпуски про синнабоны с маскарпоне наизусть пересмотрел! У меня бывшая жена их готовить пыталась — получались подметки с сахаром. А по вашему рецепту у меня тесто подошло с первого раза! Даже корицу специальную искал, сайгонскую!

Я в своей подсобке едва не прикусил губу до крови, чтобы не заржать в голос.

Грозный коллектор подпольного синдиката Маркуса Вей-

ла, приехавший выбивать миллион долларов, сидел под пледом и признавался в любви к дрожжевой выпечке. Эбби Хартли была опаснее роты морских пехотинцев: она парализовала противника теплыми углеводами и чувством вины.

Эбби зарделась самой очаровательной, смущенной улыбкой:

— Надо же, как приятно! Спасибо огромное. Рада, что рецепт помог. Но я здесь совсем не за этим…

Расти, в отличие от напарника, оставался бульдогом. Он медленно отставил кружку на каминную балку — прямо рядом со старинным адвент-календарем — и тяжело посмотрел на Эбби исподлобья:

— Всё это очень мило, мисс Хартли. Прямо рождественская открытка. Только вот вопрос: вы что, снимаете свои передачи в этой глуши в полном одиночестве? Без съемочной группы, без оператора, без мужика, который бы почистил снег на подъезде? Как-то не вяжется для хрупкой девушки.

Воздух в гостиной мгновенно натянулся.

Расти не был дураком. Он чуял, что в доме что-то не так: на сушилке висели две пары теплых носков разного размера, а у камина стояли две пустые тарелки из-под вечерней пасты.

Эбби даже глазом не моргнула. Она легко, серебристо рассмеялась, вытирая руки о передник:

— Ну что вы! Какое одиночество перед Рождеством? Мы сбежали сюда вдвоем. Студийная суета так выматывает, знаете ли…

Она повернулась лицом к коридору, сделала глубокий вдох и звонко, с требовательной хозяйской интонацией крикнула вглубь дома:

— Милый! Ну сколько можно там возиться? Занеси еще березовых поленьев, у нас гости совсем замерзли!

Это был мой выход.

Я глубоко вздохнул, досчитал до трех, сбрасывая с лица напряжение бойца и натягивая маску заспанного, слегка недовольного молодожена. Подхватив из угла подсобки приготовленную охапку тяжелых березовых дров, я толкнул дверь плечом и размеренной, тяжелой походкой вышел в освещенный холл.

Расти мгновенно подобрался на диване, его плечи напряглись, рука снова скользнула к правому карману. Дейл с кружкой в ладонях вытянул шею.

Я не дал им времени на анализ.

Сбросив половину дров в чугунную корзину у камина, я бросил оставшиеся три полена прямо в угли — камин отозвался треском и снопом золотых искр. Затем выпрямился во весь свой рост, стряхнул кору со свитера и повернулся к Эбби.

Мой план был прост: легенда должна быть железобетонной, иначе нас прижмут прямо здесь, не дожидаясь утра. А лучшая ложь — та, в которую веришь сам хотя бы на одну сотую секунды.

Я шагнул к ней вплотную.

Эбби стояла у мраморного острова, ее щеки пылали румянцем от жара очага, в карих глазах метались тревожные искры, но подбородок был упрямо вздернут.

— Замерзла, сладкая? — негромко произнес я хриплым, глубоким голосом, вкладывая в него столько интимной нежности, сколько вообще мог выдать человек с розыскным ордером на хвосте.

Глава 10

Прежде чем она успела моргнуть или отстраниться, я накрыл ее талию широкой ладонью. Тонкая ткань свитера смялась под моими пальцами. Я властно, без колебаний притянул ее к себе, уничтожая последние миллиметры дистанции между нашими телами.

Вторая моя рука легла ей на шею сзади, пальцы запутались в шелковистых темных прядях, чуть запрокидывая ее лицо вверх.

И я поцеловал ее.

Первая секунда была чистым расчетом — демонстрацией для двух зрителей на диване, чтобы заткнуть любые подозрения. Мои губы жестко и уверенно накрыли ее губы.

Но на второй секунде всё пошло к чертям.

Эбби не оттолкнула меня. Она не застыла деревом.

С ее губ сорвался тихий, прерывистый, почти неслышный выдох — смесь шока, капитуляции и дикого адреналина. А в следующее мгновение ее маленькие ладони, пахнущие корицей и топленым шоколадом, судорожно вцепились в ткань моего свитера на груди, сжимая шерсть в кулаках.

Она подалась навстречу. Всем телом.

Ее губы — мягкие, обветренные, со вкусом ягодного бальзама и горького шоколада — приоткрылись, отвечая на поцелуй с такой неожиданной, яростной, голодной страстью,

что у меня перехватило дыхание. Это не было актерской игрой для публики. Это была вспышка короткого замыкания.

Электрический разряд, который тлел между нами с того момента, как она замахнулась на меня скалкой, сдетонировал прямо под ребрами.

Мое сердце сбилось с ритма, загрохотав в ушах тяжелыми ударами. Я забыл про Расти. Забыл про Дейла. Забыл про чемодан в морозилке. Моя рука на ее талии сжалась до предела, вжимая ее бедра в мои, и я почувствовал, как ее всю сотрясает мелкая, сладкая дрожь. Жар от ее тела прожигал меня насквозь.

Мы оторвались друг от друга только тогда, когда в легких закончился воздух.

Эбби тяжело, часто дышала, ее губы блестели, глаза потемнели до цвета ночного неба, а зрачки расширились во всю радужку. Она смотрела на меня снизу вверх с легким испугом — словно заглянула в бездну и обнаружила, что бездна чертовски горячая.

Я медленно разжал пальцы на ее шее, но ладонь с талии убирать не стал, оставив ее как собственнический якорь.

— Кхм… — с дивана донеслось громкое, смущенное покашливание.

Дейл сидел красный как рак, уставившись в свою кружку и глупо улыбаясь:

— Вот это я понимаю… Медовый месяц. Извините, ребята, что мы так не вовремя ввалились. Романтика, все дела…

Расти медленно перевел тяжелый взгляд с раскрасневшейся Эбби на меня. В его глазах еще плескалось сомнение, но сцена была слишком убедительной даже для прожженного циника.

— Муж, значит, — процедил Расти, оглядывая мои широкие плечи и темную щетину. — Че-то я вас в ее кулинарных роликах не припомню, приятель.

— Я предпочитаю оставаться за кадром, — ровно ответил я, не убирая руки с бедра Эбби и глядя верзиле прямо в зрачки. — Кто-то же должен настраивать оптику, таскать тяжелые коробки и следить, чтобы огонь в камине не гас. Коул.

Я протянул ему руку для рукопожатия. Расти помедлил секунду, затем крепко, с садистским нажимом сжал мою ладонь. Обычная проверка на силу. Я ответил сухим, железным захватом, глядя ему в глаза с вежливой улыбкой, пока он первым не ослабил хватку.

— Расти, — буркнул он. — А это Дейл. Ну, раз уж вы нас пустили… Переночуем у вас до утра на ковре у огня? Машину по темноте все равно не выдернуть, а на дворе буря века.

— Конечно! — снова включилась Эбби, виртуозно сглаживая углы. — Я принесу вам еще пледов и подушки. Устраивайтесь поудобнее.

Я кивнул, делая шаг назад к очагу:

— Сейчас подброшу еще пару поленьев, чтобы тепла хватило до рассвета.

Я наклонился к чугунной корзине, подхватил два березовых чурбака и сделал полшага к топке.

И в эту секунду дурацкий закон подлости, который я безуспешно пытался опровергнуть всеми своими математическими моделями, ударил с сокрушительной силой.

Широкий карман моей куртки, которую я небрежно накинул в подсобке и забыл застегнуть, накренился.

Тяжелый предмет, оставшийся на самом дне еще с ночных посиделок на кухне, с глухим стуком вывалился из складки ткани.

Клак.

Керамика ударилась о мореный дуб паркета.

И под нашими застывшими взглядами массивная, черно-золотая фишка казино увеличенного диаметра покатилась по полированному полу, описывая ленивую, издевательскую дугу в свете каминного огня.

Она крутилась ровно три секунды, издавая звонкий, металлический шелест.

А затем с глухим щелчком завалилась набок, застыв в двух дюймах от носка тяжелого зимнего ботинка Расти.

Золотой туз, обвитый змеей, и крупная гравировка: *$100,000 · GOLDEN ACE CASINO*.

В гостиной воцарилась гробовая, ледяная тишина. Буран за окном словно стих. Дейл замер с кружкой у рта. Эбби окаменела у мраморного острова, ее пальцы судорожно впились в край столешницы.

Расти медленно, не спуская с меня тяжелого взгляда, наклонился.

Его толстые, мозолистые пальцы подобрали фишку с пола. Он взвесил ее на широкой ладони, поскреб ногтем золотое тиснение, оценивая вес и качество инкрустации.

На его лице медленно, зловеще расплылась широкая, нехорошая ухмылка. Он поднял глаза на меня, и в его свиных зрачках зажглось торжествующее пламя охотничьего пса, взявшего след:

— Занятно, — проскрежетал Расти, подбрасывая стотысячную фишку на пальцах. — Очень занятно, мистер «оператор за кадром». У вас тут что… в вермонтской глуши филиал Вегаса? Или Маркус Вейл теперь раздает такие сувениры фанатам яблочных пирогов?

Глава 11

Эбби

Керамический диск крутился на паркете ровно три секунды, но в моей голове эти три секунды растянулись в бесконечную, мучительную вечность.

Клак.

Тяжелая стотысячная фишка замерла у носка ботинка Расти, оскалившись золотым тузом в багровом свете камина.

Воздух в гостиной вымерз за долю секунды. Мои пальцы, судорожно вцепившиеся в край мраморного острова, побелели так, что суставы свело ноющей, тупой болью.

На губах всё еще пылал поцелуй Коула — влажный, горячий, пахнущий корицей, топленым шоколадом и тем диким, первобытным электричеством, от которого под ложечкой сладко и жутко ныло. Мое тело до сих пор помнило обжигающую тяжесть его ладони на пояснице и пальцы, запутавшиеся в моих волосах на затылке. Сердце колотилось в горле с глухим перебоем, гоняя по венам сумасшедший коктейль из чистого страха и нерастраченного желания.

Расти медленно наклонился. Его толстые, мозолистые пальцы подобрали фишку с пола. Он взвесил ее на ладони, поскреб ногтем рельефный кант, и по его широкому, заросшему щетиной лицу расползлась тяжелая, нехорошая ухмылка.

— Занятно, — проскрежетал он, глядя на Коула исподлобья. — Очень занятно, мистер «оператор за кадром». У вас тут что, в вермонтской глуши филиал Вегаса? Или Маркус Вейл теперь раздает такие сувениры фанатам яблочных пирогов?

У меня перехватило дыхание. Коул стоял у чугунной корзины для дров, не шелохнувшись. Лицо — гранит, плечи расправлены, ни единого лишнего движения. Но я была уверенна, под серым свитером натянулись канаты мышц на его спине: еще мгновение — и он пойдет на таран, в гостиной начнется кровавое месиво, а исход драки с двумя вооруженными амбалами не предсказал бы ни один математик.

Я уже открыла рот, чтобы выдать легенду про сувениры с мальчишника, но Коул опередил меня.

Он мягко, обезоруживающе рассмеялся глубоким, бархатным смехом сытого, уверенного в себе мужчины, который просто наслаждается моментом.

— Бросьте, Расти, — Коул небрежно отряхнул ладони от древесной коры и шагнул вперед, сокращая дистанцию. — Неужели Маркус стал настолько прижимистым, что его люди никогда не видели сувениров из вип-зала?

Расти прищурился, не опуская тяжелую фишку:

— Сувениров? В «Золотом Тузе» за вынос такой штучки охрана ломает пальцы прямо у стола.

— Охрана ломает пальцы тем, кто пытается их украсть, — парировал Коул с непробиваемым спокойствием, подхо-

дя к каминной полке и опираясь на нее локтем. В его позе не было ни капли угрозы — сплошная вальяжная расслабленность. — А тем, кто оставляет в заведении шестизначные суммы во время медового месяца, администрация лично упаковывает памятные реплики в бархатные коробочки с автографом управляющего. Эбби настояла, чтобы мы забрали ее с собой на память о той ночи в «Белладжио». Женщины любят блестящие безделушки. Верно, сладкая?

Он бросил на меня насмешливый, полный обожания взгляд.

— Абсолютно, дорогой, — подхватила я, выравнивая дыхание и лучезарно улыбаясь коллекторам. — Хотя, признаться, я до сих пор считаю, что рулетка — это грабеж среди бела дня. Но мужчины так любят мериться своими маленькими победами…

Дейл на диване громко шмыгнул носом и согласно закивал, кутаясь в плед:

— Вот и моя бывшая так говорила, когда я в Атлантик-Сити спустил залог за пикап. Женщины не понимают романтики риска.

Расти всё еще буравил Коула тяжелым взглядом, но подозрительность в его свиных глазках начала уступать место обычному профессиональному скепсису. Он небрежно швырнул фишку на каминную балку — прямо рядом со старинным адвент-календарем Уолта:

— Медовый месяц, значит. Ну-ну. Романтика при свечах

в сугробе.

— Романтика романтикой, — перебил его Коул, плавно перехватывая инициативу, — а ночь впереди длинная. Генератор работает в аварийном режиме, телевизор мы не включим, а спать на трезвую голову в чужом доме — тоска смертная. Как насчет партии в покер, джентльмены?

Дейл аж подпрыгнул на диване, едва не расплескав остатки какао:

— В карты?! Серьезно? Я за! Клянусь, я в Техасский холдем с шестнадцати лет рублюсь!

— Притормози, Дейл, — осадил его Расти, но в его позе тоже появилось хищное оживление заядлого игрока. — На что играть-то будем, хозяин? На фальшивые фишки? На интерес только в детском саду в дурака перекидываются.

— На интерес играть скучно, согласен, — усмехнулся Коул. Он выдвинул верхний ящик дубового комода и достал новенькую, запечатанную в пластик колоду карт Bicycle, которую оставил запасливый Уолт. Щелкнула фольга. Карты шелестящей волной рассыпались по его рукам. — Предлагаю честные джентльменские условия. Играем по-крупному, но без налички. Если выигрываете вы — я спускаюсь в погреб и достаю бутылку двадцатилетнего односолодового «Маккаллана», которую покойный хозяин дома берег для визита губернатора. Настоящий торфяной виски бочковой крепости, согреет получше любого очага.

Глаза Расти алчно блеснули. Он шумно сглотнул слюну:

— А если выигрываешь ты?

— Если банк забираем мы с Эбби — вы двое без лишних споров забираете подушки, поднимаетесь на второй этаж в гостевую комнату и спите там до девяти утра, не высовывая носа в холл и не мешая нашему уединению. Идет?

— По рукам! — рявкнул Дейл, не давая напарнику опомниться. — Расти, да мы их всухую разденем! Виски двадцатилетний, ты слышал?!

— А на что ставить? — буркнул Расти. — Карты картами, а фишки где?

Коул обернулся ко мне, и в его янтарных глазах заплясали откровенно хулиганские черти:

— Валютой сегодня выступает гордость этого дома. Рождественское имбирное печенье Эбби.

Я театрально вздохнула, прижав ладонь к груди:

— Только не мои пряники! Я пекла их для утреннего эфира!

— Сладкая, искусство требует жертв, — подмигнул мне Коул, пододвигая к центру стола два противня, которые я только что достала из остывающей духовки.

Кухня наполнилась густым, дурманящим ароматом корицы, гвоздики, топленого масла и жженого сахара. Фигурные имбирные человечки, миндальные полумесяцы, щедро посыпанные белой пудрой, и темные клюквенные коржики выстроились на мраморе ровными рядами.

— Номинал простой, — Коул уселся во главе острова,

ловко разбивая выпечку на четыре равные кучки. — Классический имбирный человечек — десять очков. Миндальный полумесяц — двадцать пять. Коржик с клюквой — пятьдесят. Стартовый стек — по десять штук каждого вида на игрока. Эбби сидит рядом со мной как талисман и финансовый контролер.

Дейл с Расти переглянулись, сорвали с голов дурацкие шапки Санты, бросили их на банкетку и с грохотом придвинули тяжелые дубовые табуреты к мраморному острову.

Началась раздача.

Это было самое невероятное зрелище, которое мне доводилось видеть.

За панорамными стеклами выла ледяная вермонтская буря, стонали вековые сосны под тяжестью полуметрового снега, генератор в подвале глухо и мерно рокотал, а в теплой, пропахшей ванилью и хвоей кухне четверо взрослых людей на полном серьезе резались в покер на печенье при свете трех восковых свечей.

Коул вел партию с дьявольским, пугающим изяществом.

Он не жульничал в примитивном смысле этого слова — он читал карты и людей так, словно они были прозрачными стеклянными колбами. Он нарочно сдал Дейлу в первой же раздаче две пары — тузов и семерок, позволив тому с торжествующим ревом загрести под себя десяток миндальных полумесяцев. Дейл тут же расплылся в самодовольной улыбке, откусил голову имбирному человечку и окончательно поте-

рял всякую бдительность.

Но Расти был крепким орешком. Он играл тяжело, угрюмо, сбрасывал сомнительные руки и не лез в банк без старших карт.

На четвертом круге Коул сделал классический «чек» на флопе, выжидая. Банк разросся: на середине острова высилась внушительная гора из выпечки — не меньше сорока печений.

Я сидела слева от Коула, положив локти на столешницу. Мое колено случайно коснулось его бедра под столом — твердого, горячего, обтянутого плотной тканью джинсов. По телу мгновенно пробежала знакомая колючая искра. Я хотела отодвинуться, но тут мой взгляд упал на Дейла.

Толстяк судорожно сжимал в пухлых пальцах свои две карты, его ноздри раздувались, а указательный палец левой руки мелко, дробно постукивал по краю столешницы — в точности так, как делал мой бывший жених Брэндон, когда пытался врать мне в глаза про совещания в пятницу вечером.

Дейл блефовал. У него не было ничего, кроме пустой надежды.

Я не стала говорить ни слова. Под темным деревом стола я плавно, незаметно опустила ладонь на бедро Коула, прямо над коленом, и дважды коротко сжала пальцы, передавая немой сигнал.

Мышцы под моей рукой мгновенно окаменели. Коул не повернул головы, не дрогнул ни единым мускулом лица, но я

почувствовала, как переменилось его дыхание — стало глубже, ровнее.

— Ну что, хозяин? — пробасил Расти, бросая на середину два клюквенных коржика. — Уравниваешь или сливаешься? У Дейла вон глаза горят, сейчас без штанов тебя оставит.

Глава 12

Коул медленно перевел насмешливый янтарный взгляд с Расти на потеющего Дейла. Моя рука всё еще лежала на его бедре, чувствуя исходящий от него сумасшедший жар. Он накрыл мою ладонь своей широкой, шершавой рукой под столом, крепко сжал мои пальцы в замок и, глядя прямо в глаза Дейлу, небрежным движением сдвинул вперед весь свой стек:

— Олл-ин. Все полумесяцы и все коржики. Вскрываемся, джентльмены.

Дейл поперхнулся крошками. Его лицо из розового мгновенно стало белым:

— Все?.. Но у меня… у меня же…

Он в отчаянии шлепнул картами по мрамору: разномастные дама и тройка. Пустышка. Чистый, откровенный блеф отчаяния.

Расти с глухим рычанием бросил свои карты в пас:

— Идиот. Я же говорил тебе — не лезь без масти.

Коул с невозмутимой полуулыбкой перевернул свои карты: пара валетов. Этого с лихвой хватило, чтобы сорвать банк.

— Партия, джентльмены, — мягко произнес он, выпуская мою ладонь под столом и сгребая огромную гору сладкой добычи к нашему краю острова. — Время половина первого.

Договор дороже денег.

Расти тяжело поднялся с табурета, с хрустом потягиваясь. Его квадратное лицо выражало глубокую досаду, но спорить он не стал — кодекс карточной игры был для него законом:

— Черт с тобой. Виски твой остался в подвале. Пошли, Дейл, пока эта кондитерская мафия нас до трусов не раздела.

Дейл с тоской посмотрел на гору печенья, жалобно шмыгнул носом, но покорно поплелся за напарником:

— Мисс Хартли… а вы салфетку с рецептом меренги не выкидывайте, ладно? Я утром заберу…

— Она на комоде, Дейл, — с искренней теплотой улыбнулась я. — Спите спокойно.

Мы проводили их тяжелые шаги по лестнице на второй этаж. Наверху скрипнули половицы, глухо хлопнула дверь гостевой спальни, и в коттедже наконец воцарилась долгожданная, благословенная тишина, нарушаемая лишь завыванием бурана за стеклом.

Мы остались одни.

Кухня выглядела как поле боя после сладкого побоища: крошки на мраморе, пустые блюдца, грязные глиняные кружки из-под какао и огарки догорающих восковых свечей.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как адреналиновая волна наконец отступает, оставляя после себя свинцовую усталость во всем теле. Подошла к раковине, открыла кран с теплой водой — генератор честно тянул бойлер — и принялась методично намыливать тяжелые керамические кружки.

Коул подошел бесшумно.

Он снял со спинки стула чистое вафельное полотенце с рождественской вышивкой, встал рядом со мной плечом к плечу и молча взял из моих рук первую вымытую чашку.

Мы работали в полной тишине. Только журчание струи воды, глухой скрип ткани о фарфор и ровное, тяжелое дыхание рядом. Но эта тишина не была пустой. Она была густой, вязкой, плотной, как застывающая смола. Между нашими телами воздух буквально искрил. Пространство сузилось до метра вокруг раковины.

Коул вытер чашку, поставил ее на деревянную сушилку и потянулся за следующей.

В этот момент я передавала ему сотейник. Наши пальцы соприкоснулись над раковиной — мокрые, горячие, скользкие от пены.

Время замерло.

Коул не взял посуду. Он перехватил вафельное полотенце обеими руками, натянув ткань между нами, словно границу, и посмотрел мне прямо в глаза.

Его зрачки в полумраке кухни казались бездонными колодцами. На щеке играла тень от ресниц, а на губах застыло немое, почти мучительное напряжение. Он был так близко, что я кожей чувствовала жар, исходивший от его груди, и пьянящий, въедливый запах кедра, морозного озона и того самого кофе с кардамоном.

Пауза становилась невыносимой. Тяжелой. Опасной.

Я знала, что произойдет дальше, если сделаю хотя бы полшага вперед. Он бросит полотенце. Его руки снова окажутся на моей талии, он подсадит меня на этот проклятый мраморный остров среди крошек и немытой посуды, и я отвечу ему — я отвечу на каждое его прикосновение с голодной яростью, которую копила последние полгода рядом со стерильным Брэндоном. Мое тело кричало об этом. Низ живота сводило тягучей, сладкой судорогой.

Но внутри меня что-то щелкнуло. Другая Эбби — не та, которую предавали и использовали, а новая, сильная, хозяйка своей жизни — сделала глубокий вдох.

Я осторожно опустила сотейник в раковину, вытерла руки о край фартука и посмотрела ему прямо в зрачки, не опуская подбородка.

— Я хочу тебя, Коул, — произнесла я.

Мой голос прозвучал тихо, но удивительно твердо, без единой дребезжащей ноты. Никакого кокетства. Чистая, взрослая, обезоруживающая правда.

Коул замер, его пальцы на полотенце побелели от напряжения:

— Эбби…

— Послушай меня, — я мягко покачала головой, не отводя взгляда. — Я хочу тебя так сильно, что у меня дрожат колени с того момента, как ты прижал меня к шкафу в холле. Но я не хочу, чтобы это случилось сегодня. Не хочу, чтобы это было вспышкой от бешеного адреналина, страха перед

бандитами за стеной или глупой попыткой заглушить боль от измены бывшего. Я устала быть удобной и ведомой. Если мы перейдем эту черту — я хочу быть в здравом уме. Я хочу помнить каждую секунду не потому, что мы спасались от погони, а потому, что мы оба этого захотели.

В кухне повисла звенящая пауза.

Я ждала. Мужчины не любят отказов, особенно когда их ведут к финалу на коротком поводке. Брэндон в таких ситуациях замыкался в ледяном сарказме или начинал читать нотации о женских манипуляциях.

Коул смотрел на меня долгих пять секунд. Напряжение на его лице медленно, плавно растворилось, сменившись выражением глубокого, почти благоговейного изумления.

Он медленно опустил полотенце на столешницу. Сделал шаг вперед — всего один — и бережно, не касаясь моего тела руками, наклонился и прижался теплыми губами к моему виску, прямо туда, где бешено пульсировала венка.

Его губы задержались на моей коже на долгий, обжигающий вдох.

— Тогда мы подождем, — прошептал он мне в волосы низким, хриплым голосом, от которого по спине пробежала стая мурашек. — Мы подождем, пока страх уйдет, а желание останется. Я никуда не тороплюсь, Эбигейл. Хорошие алгоритмы требуют времени на компиляцию.

Он отстранился, криво усмехнулся и подмигнул мне:

— Иди спать, Хартли. Я сам домою эти чертовы кружки.

Я благодарно кивнула, чувствуя, как внутри разливается невероятная, незнакомая легкость. Я управляла ситуацией. Впервые в жизни я сама установила правила игры и не почувствовала за это вины.

Поднявшись на второй этаж, я сняла тапочки и на цыпочках пошла по коридору к своей спальне.

Половицы предательски поскрипывали. Проходя мимо приоткрытой двери гостевой комнаты, из которой доносился богатырский, раскатистый храп Дейла, я невольно скользнула взглядом в щель.

В комнате было темно, но на прикроватной деревянной тумбочке тусклым, мертвенно-голубым светом пульсировал экран смартфона Дейла. Видимо, на перевале ненадолго ожила аварийная ретрансляционная вышка дорожной службы, и аппарат успел поймать обрывок сигнала.

Я замерла. Любопытство и тревога толкнули меня ближе.

Прижавшись плечом к косяку, я вгляделась в экран. На заблокированном дисплее висело крупное входящее push-уведомление от абонента «М.В.»:

«Я в курсе, что вы на месте. Жду фото чемодана утром. Он нужен мне целым и не слишком злым».

Ледяная игла прошила мой затылок.

«Он в курсе. Вейл знает, где они. И утром они перевернут этот дом вверх дном».

Я тихо, как тень, отпрянула от двери, вернулась в свою спальню, натянула задвижку и села на край кровати, обхва-

тив голову руками. Паника попыталась поднять голову, но мозг уже включился в привычный рабочий режим поиска антикризисных решений.

Они ждут утро? Они получат такое утро, какого не видели в своих казино.

Суббота, 5 декабря, 07:00.

Зимнее солнце только начинало окрашивать верхушки сосен за окном в нежно-розовый цвет. Буран окончательно стих, оставив после себя идеальную, хрустальную тишину.

Я стояла перед дверью гостевой комнаты на втором этаже во всеоружии: белоснежный наглаженный фартук поверх кашемирового свитера, волосы собраны в идеальную прическу и подвязаны алой лентой, на губах — свежий ягодный блеск. В руках я держала массивный медный поднос, на котором источали божественный аромат три большие чашки свежесваренного кофе по-ирландски с шапкой взбитых сливок и горка горячих круассанов.

Сделав глубокий вдох, я толкнула ногой дверь гостевой и решительно шагнула внутрь.

Дверь с грохотом распахнулась, ударившись об ограничитель.

Расти подскочил на кровати, как ошпаренный, хватаясь за подушку в поисках несуществующего пистолета. Дейл запутался в одеяле, свалился на ковер и уставился на меня безумными, заплывшими со сна глазами.

Я поставила поднос на тумбочку прямо поверх погасше-

го телефона Дейла, ослепительно улыбнулась и звонким, командным голосом дирижера кулинарного шоу провозгласила на всю комнату:

— Подъем, парни! Сегодня День святого Николая, и вы участвуете в съемках моего главного выпуска!

Глава 13

Эбби

— Подъем, парни! — мой голос прозвучал как выстрел стартового пистолета на олимпийском треке. — Сегодня День святого Николая, и вы участвуете в съемках моего главного выпуска!

Медный поднос с тремя гигантскими кружками кофе по-ирландски и горой горячих круассанов опустился на деревянную тумбочку с весомым, победоносным стуком, накрыв собой потухший дисплей телефона Дейла.

Несколько секунд комната напоминала немой театр абсурда.

Расти, всклокоченный, в темно-синей майке-алкоголичке, с квадратной челюстью, покрытой густой трехдневной щетиной, застыл на кровати, судорожно вцепившись обеими руками в перьевую подушку. Его маленькие глазки лихорадочно шарили по углам комнаты в поисках несуществующей засады. Дейл, запутавшийся толстыми волосатыми ногами в шерстяном пледе, барахтался на ковре, как перевернутая черепаха, испуганно хлопая заплывшими веками.

— Что… Где?.. — сипло выдавил Дейл, уставившись снизу вверх на мой белоснежный накрахмаленный фартук. — Облава?..

— Хуже, Дейл. Производственный план, — я лучезарно

улыбнулась, скрестив руки на груди. — Пять минут на умывание, горячий кофе ждет на столе. Форма одежды — домашняя, на кухне не спать.

Расти медленно опустил подушку. Его ноздри дрогнули, уловив густой, дурманящий аромат свежесваренного темного кофе, тростникового сахара и виски под шапкой плотных взбитых сливок. Громила сглотнул слюну, сердито почесал грудь и хрипло буркнул:

— Слышь, хозяйка… Мы вообще-то не аниматоры. Мы… у нас дела в городе. Дорогу вон расчищают.

— Дорогу расчистят до ручья в лучшем случае к четырем часам дня, — парировала я с непробиваемой деловой уверенностью. — Трактор только прошел нижний перевал. А ваш внедорожник сидит на пузе в полутораметровом перемете у ворот. Вы можете либо четыре часа мерзнуть на морозе с лопатами, рискуя сорвать спины, либо заработать самый сытный обед в вашей жизни и порцию горячих пончиков с заварным кремом.

Дейл уже сидел на полу по-турецки, зачарованно глядя на круассаны с маслянистой, золотистой корочкой:

— С заварным?.. С ванильным или с шоколадным?

— С обоими, Дейл. Выбор за вами, джентльмены. Таймер пошел.

Я развернулась на каблуках домашних тапочек и плавно выплыла из комнаты, слыша за спиной сдавленное рычание Расти и торопливое сопение Дейла, натягивающего штаны.

Первый раунд остался за мной.

Когда я спустилась на первый этаж, кухня уже дышала жизнью. За панорамными окнами коттеджа разворачивалось ослепительное утро: буран выдохся окончательно, оставив после себя пронзительное, хрустально-синее небо и заснеженные сосны, застывшие под полуметровыми белыми шапками. В доме было тепло, гудел котел, в камине мерно потрескивали березовые дрова.

Коул стоял у каминной полки, держа в руках деревянный адвент-календарь.

Он был в чистой темно-серой футболке, подчеркивающей разворот его широких плеч, и выцветших джинсах. Рукава были закатаны до локтей, обнажая жилистые предплечья с темными дорожками вен. Он обернулся на звук моих шагов с горящими глазами.

— Ты безумна, Хартли, — негромко произнес он, и уголок его губ дрогнул в усмешке. — Запрячь коллекторов Вейла в фартуки на кулинарном шоу? Это либо чистый гений, либо клинический диагноз.

— Это кризис-менеджмент, Бэннон, — я подошла ближе, чувствуя, как расстояние между нами снова начинает опасно плавиться. — Если они сидят у меня на кухне под прицелом трех камер, они не рыщут по подвалу и не заглядывают в морозилку с индейками. А ты получаешь еще шесть часов форы.

Коул мягко покачал головой, разглядывая меня с нескры-

ваемым восхищением:

— Твой бывший был полным кретином, если упустил женщину с такими стальными нервами.

Упоминание Брэндона больше не обожгло меня горечью — только вызвало легкую, брезгливую волну равнодушия. Я посмотрела на темное дерево шкатулки в его руках:

— Что там?

— Окошко номер шесть.

Коул аккуратно потянул за латунный желудь. Ящичек выскользнул из паза. На дне лежал крошечный, связанный вручную из ярко-красной шерсти рождественский чулок — не больше моего мизинца. А под ним — сложенный вчетверо листок грубой миллиметровки, исписанный четким, летящим почерком Уолта.

Коул развернул бумагу. Его взгляд быстро пробежал по строчкам:

«Шесть печений на пятерых — это не дефицит, а проверка на жадность. Первая цифра замка — шестерка. Но помни: сейф откроется лишь тому, кто делится теплом».

— Первая цифра кода, — тихо сказал Коул, сжимая в руке шерстяной чулочек. — Шестерка. Уолт не изменяет себе: математическая задача, замаскированная под бытовую притчу. Осталось пять координат.

— «Тот, кто делится теплом», — повторила я эхом, глядя на огонь в камине. — Похоже, старик заранее знал, что этот дом никогда не должен оставаться пустой крепостью для од-

ного человека.

С лестницы донеслось тяжелое, слоновье топанье. Мы с Коулом мгновенно переглянулись, синхронно делая полшага в стороны и занимая исходные позиции: он у стойки с аппаратурой, я — за мраморным островом.

На пороге кухни возникли наши «звезды».

Расти выглядел так, словно его вели на эшафот: руки скрещены на груди, челюсть выдвинута вперед, свиные глазки буравят пол. Зато Дейл сиял начищенным медным тазом — он успел умыться ледяной водой, пригладил редеющие рыжеватые вихры и жадно втягивал ноздрями ароматы кухни.

— Итак, джентльмены, — бодро скомандовала я, доставая из комода два широких холщовых фартука с праздничной вышивкой в виде веселых оленей. — Правила съемочной площадки просты: матом не ругаться, в носу не ковырять, на камеру не коситься. Вы — мои приглашенные стажеры из бостонской кулинарной школы.

Расти посмотрел на фартук с оленем так, словно я протягивала ему смирительную рубашку:

— Я эту тряпку не надену. У меня авторитет на трех побережьях.

— Расти, — укоризненно протянул Дейл, уже просовывая свою пухлую шею в шейную лямку второго фартука и завязывая тесемки на объемном животе. — Брось ты. Смотри, какие рога прикольные. Ух ты, чистый хлопок, не синтетика с рынка. Нам еще крем для пончиков пробовать.

Коул за камерой не выдержал и тихо, хрипло кашлянул в кулак, отворачиваясь к окну. Его плечи мелко подрагивали от сдерживаемого смеха.

— Надевай, Расти, — не оборачиваясь, бросил Коул, настраивая фокус объектива. — Тебе к лицу красный цвет. Отлично подчеркивает цвет твоей… щетины.

Расти с глухим рычанием выхватил фартук из моих рук и дернул завязки на спине с такой силой, что те треснули, но выдержали:

— Если эта запись всплывет в Вегасе, я скормлю тебя аллигаторам в озере Мид.

Глава 14

— Мотор через тридцать секунд! — объявила я, защелкивая на воротнике микрофон-петличку.

Я встала в центр кадра. Слева от меня встал растерянный, но счастливый Дейл, справа — монументальный, свирепый Расти, напоминающий викинга, которого заставили фасовать конфеты.

Коул занял позицию за главной камерой. В его глазах вспыхнул сосредоточенный, профессиональный азарт. Он поднял руку, отсчитывая пальцами: «Три, два, один…»

— Привет, мои дорогие! — я включила свою фирменную, лучезарную улыбку, глядя прямо в черное стекло объектива. — С вами Эбби Хартли, и это шестой день нашего марафона «24 дня Рождества» в заснеженном Вермонте! Сегодня День святого Николая — праздник чудес, подарков и… неожиданных гостей. Наш коттедж оказался отрезан от цивилизации сильнейшим бураном, но Рождество не остановить! Позвольте представить моих добровольных помощников — спасателей вермонтской дорожной службы Дейла и Расти!

Дейл с идиотским восторгом помахал пухлой ладонью в объектив:

— Всем привет! Готовьте безе на девяноста градусах, лю-

ди, это тема!

Расти лишь тяжело, мрачно кивнул, словно подтверждая факт взятия заложников.

— Сегодня мы готовим традиционные пряничные сапожки святого Николая и пышные рождественские пончики с двойной начинкой, — продолжила я, чувствуя, как внутри закипает настоящий драйв. — И главное правило нашей кухни: идеальность — враг уюта! Дейл, твоя задача — раскатать имбирное тесто до толщины ровно в пять миллиметров. Скалка в твоем распоряжении.

— Есть, шеф! — гаркнул Дейл и с яростным энтузиазмом навалился всем весом на массивную березовую скалку.

Мука взметнулась белым фонтаном, осыпая его оленя на груди. Дейл сопел, пыхтел, двигал бровями и раскатывал податливый коричневый пласт с такой хирургической точностью, словно закладывал взрывчатку под сейф банка.

— Расти, — я повернулась к мрачному громиле, вручая ему кондитерский мешок из плотного силикона, наполненный белоснежной белковой глазурью. — На тебе тонкая моторика. Заполняем контуры выпеченных пряников. Линии должны быть ровными и плавными.

Расти посмотрел на крошечный наконечник мешка своими ручищами, привыкшими крутить баранку и ломать челюсти, как на инопланетный артефакт:

— Чего?.. Я этой пипеткой только дырку проткну.

— Просто сожми ладонь, Расти. Нежно. Представь, что

держишь… канарейку.

— Я никогда не держал канареек, — огрызнулся он, но осторожно взял мешок тремя пальцами.

— Ну или коровье вымя, — зашипела я, продолжая улыбаться.

И тут началось чистое безумие.

Расти, высунув от нечеловеческого напряжения кончик языка, склонился над остывшим пряничным сапожком. Его огромные плечи подрагивали. Он давил на мешок с такой силой, что силикон трещал по швам, но из наконечника послушно выползала тонкая, ювелирная белая нить глазури.

Дейл в этот момент, увлекшись процессом, начал вырезать формочками пряничных человечков, приговаривая:

— Вот этому оторвем ногу, он пытался сбежать из Вегаса… А вот этот будет боссом, у него башка слишком круглая…

— Дейл! — звонко прикрикнула я, едва сдерживая рвущийся наружу хохот. — Это рождественские ангелочки, а не разборки на парковке!

— Виноват, мисс Хартли! Ангелочки, точно. Святые люди.

Коул виртуозно перемещался по кухне, меняя ракурсы, беря крупные планы: напряженное, потное лицо Расти с высунутым языком, восторженно блестящие глаза Дейла, золотистую россыпь пряностей на мраморе.

Это не было похоже ни на один выпуск, который я делала

раньше. Не было вылизанного, мертвого сценария Брэндона, где каждая шутка прописывалась маркетологами, а я чувствовала себя говорящей куклой в кашемировом свитере.

Здесь царил живой, искрящийся, хаотичный балаган. Воздух звенел от смеха, запаха корицы, жареного во фритюре теста и чистого, детского восторга. Я забыла про камеру. Я забыла про Hearthside. Я просто жила — громко, шумно, пачкая нос мукой и хохоча над тем, как Расти прилепил сахарную бусину прямо на лоб Дейлу со словами: «Теперь ты снайперская мишень».

— Стоп, снято! — наконец скомандовал Коул, опуская камеру на штатив.

Его лицо сияло. Он смотрел на меня так, словно я только что в одиночку выиграла чемпионат мира.

— Ну всё, — Расти с облегчением стащил фартук с оленем, бросив его на остров, но при этом бережно, двумя пальцами подцепил с решетки горячий, источающий пар пончик, густо политый шоколадной глазурью. — Я свой гонорар забираю натурой. Пошли, Дейл, трактор, кажись, пробился к развилке. Слышно, как дизель ревет внизу.

Дейл торопливо рассовал по карманам куртки четыре пряника, завернутых в пергамент:

— Мисс Хартли, это был лучший день в моей жизни. Честное слово. Если бросите кулинарию — идите в цирк, у вас талант дрессировщика.

Они натянули свои куртки, шапки Санты и, подхватив ло-

паты из прихожей, вывалились на крыльцо навстречу морозному дню. Мы слышали их удаляющиеся голоса, хруст наста под тяжелыми ботинками и восторженные причитания Дейла о том, что «заварной крем с цедрой — это отвал башки».

Дверь захлопнулась.

В доме наступила внезапная, оглушительная тишина.

Кухня выглядела так, словно по ней пронесся кондитерский смерч: ровный слой белой муки на полу, потеки карамели, капли шоколада на мраморе, горы противней и решеток.

Я стояла посреди этого погрома, чувствуя, как адреналиновая эйфория медленно отступает, уступая место приятной, гудящей усталости во всем теле. Мой лоб был перепачкан мукой, фартук потемнел от масла, пара прядей выбилась из прически, щекоча щеку.

Коул медленно подошел ко мне.

Он обошел мраморный остров, не спуская с меня тяжелого, потемневшего взгляда. В пустом пространстве кухни его шаги звучали гулко. Он не улыбался. Вся насмешливость испарилась из его черт, оставив лишь обнаженное, вибрирующее напряжение, от которого у меня перехватило дыхание.

Я взяла с магнитной стойки широкий нож для нарезки теста, пытаясь занять руки:

— Нужно… нужно соскоблить присохшую глазурь, пока она не закаменела…

Коул не ответил.

Он шагнул вплотную ко мне сзади.

Его тело было сплошным монолитом жара. Он не прикоснулся ко мне грубо, не сделал резких движений — он просто накрыл меня собой, уничтожая воздух между нами. Его грудь мягко уперлась в мои лопатки, сквозь тонкую ткань моего свитера я почувствовала каждый рельеф его торса и ровный, мощный ритм его сердца.

Мои пальцы на рукояти ножа замерли. Дыхание перехватило.

Глава 15

— Ты держишь лезвие под неправильным углом, Хартли, — прошептал он прямо мне в шею.

Его голос был низким, хриплым, пропитанным чистым, неразбавленным желанием. Горячая волна его дыхания обожгла чувствительную кожу у меня за ухом, послав по позвоночнику такой сокрушительный электрический разряд, что под коленями мгновенно ослабли связки.

Его руки плавно легли поверх моих.

Широкие, горячие, шершавые ладони Коула накрыли мои побелевшие пальцы, сжимающие рукоять ножа. Белая мучная пыль на нашей коже смешалась, пачкая металл и дерево. Его пальцы медленно, тягуче переплелись с моими, перехватывая контроль над лезвием.

Он не отпускал меня. Напротив — он подался вперед еще на долю дюйма, вжимая мои бедра в край мраморного острова, прижимаясь ко мне всем телом так откровенно и тяжело, что я невольно застонала сквозь сжатые зубы.

— Коул… — выдохнула я, роняя голову назад, на его плечо.

— Спектакль окончен, Эбби, — его губы коснулись пульсирующей жилки на моей шее, оставив влажный, обжигающий след. — Зрители ушли. Гости ушли. Скажи мне прямо

сейчас, что ты чувствуешь то же самое, или я сойду с ума в этом доме.

Я закрыла глаза, отдаваясь этому безумному, пьянящему ощущению. Внутри меня больше не было страха. Не было тени Брэндона, не было сомнений, не было ледяных стен контроля. Было только это горячее, сильное тело за моей спиной, его пальцы, сжимающие мои руки в белой муке, и дикий, первобытный голод, который жег нас обоих.

Я разжала пальцы, позволяя ножу со звоном упасть на мраморную столешницу.

Медленно повернув голову, я нашла его губы в воздухе.

Наш поцелуй был яростным, жадным, сокрушительным. Никакой игры для бандитов на диване — только чистая, концентрированная страсть, копившаяся эти двое суток. Коул глухо зарычал мне в рот, его руки сорвались, обхватили меня за талию и одним мощным, легким движением вздернули вверх, усаживая прямо на край мраморного острова среди рассыпанной сахарной пудры и пряностей.

Его ладони скользнули под мой свитер, обжигая голую кожу на талии жадными пальцами. Я запустила руки в его темные, густые волосы, притягивая его к себе, отвечая на каждое движение его языка с отчаянной, бесстыдной яростью. Жар между нашими телами достиг точки кипения.

Мы оторвались друг от друга лишь тогда, когда легкие запылали огнем.

Коул тяжело дышал, упираясь лбом в мой лоб. Его янтар-

ные глаза горели черным пламенем. Мои губы саднили, свитер задрался, сердце колотилось как сумасшедшее.

— Ты помнишь… наше стоп-слово? — прошептала я, судорожно сглатывая и улыбаясь сквозь сбитое дыхание.

Уголок его губ дрогнул:

— «Пряник». Но я чертовски надеюсь, Хартли, что сегодня тебе не захочется его произносить.

— Не сегодня, Бэннон, — выдохнула я, проводя пальцем по его колючей щеке. — Определенно не сегодня.

Коул глухо, утробно застонал мне в губы — этот звук вибрировал у него в груди и отдавался во мне чистой, раскаленной патокой.

Он не отстранился. Напротив.

Его бедра шагнули вперед, врезаясь в разведенные колени моих джинсов, намертво зажимая меня между своим стальным торсом и холодным полированным краем столешницы. Холод камня под ягодицами и дикий, обжигающий огонь его тела создавали невыносимый, сводящий с ума контраст.

Его руки под моим свитером больше не замирали.

Широкие, горячие, чуть шершавые ладони скользнули вверх по ребрам, обжигая кожу, заставляя мышцы живота судорожно сжиматься при каждом движении. Пальцы Коула нащупали кружевной край бюстгальтера, скользнули под косточку, и его большие пальцы тяжело, властно накрыли напрягшиеся, болезненно-чувствительные соски сквозь тонкую сетку ткани.

У меня вырвался хриплый, прерывистый стон. Я запрокинула голову, выгибаясь в спине, вжимаясь грудью в его ладони.

— Коул… черт…

— Дыши, Эбби, — его голос у моей ключицы был сорванным и тяжелым.

Он опустился на колени передо мной. Прямо на усыпанный белой мукой пол.

Это было так властно и одновременно так полно благоговения, что у меня перехватило воздух. Коул оказался на уровне моих бедер. Его ладони легли на мои колени, пальцы с силой сжались на дениме джинсов, разводя мои ноги еще шире. Он не раздевал меня — на нас оставалась одежда, но от этого градус бесстыдства только зашкаливал.

Его лицо оказалось в дюйме от моего живота. Сквозь ткань свитера я почувствовала обжигающий пар его дыхания.

— Ты сводишь меня с ума, Хартли, — прошептал он, и его горячий лоб уперся мне в живот, прямо над пряжкой ремня. — То, как ты держала этих громил… как смеялась над мукой… как пахнешь чертовым имбирем и карамелью. Я неделю не спал, у меня в голове были только цифры и паранойя. А сейчас я готов сжечь этот чертов миллион в камине, лишь бы ты смотрела на меня так, как смотрела пять минут назад.

Я запустила обе руки в его густые темные волосы, с силой сжимая пальцы на его затылке, чувствуя биение вен под ко-

жей.

— Я смотрю на тебя, — мой голос дрожал от напряжения, низ живота пульсировал мокрой, нестерпимой тяжестью. — Я здесь.

Коул поднял голову. В его глазах плясало такое откровенное, голодное пламя, что у меня закружилась голова. Он медленно поднялся, не отрывая взгляда от моих зрачков, и снова накрыл мои губы своими.

Он целовал меня тягуче, глубоко, с влажным скольжением языка, словно смаковал каждую каплю, выпивая меня до дна. Одна его рука оставалась в моих волосах, запрокидывая мою голову, а вторая медленно скользнула вниз по бедру, очерчивая изгиб, и уверенно легла на внутреннюю сторону бедра, прямо сквозь плотный джинс прижимаясь основанием ладони туда, где под тканью пульсировал нестерпимый жар.

Глава 16

Я судорожно выдохнула ему в рот, подаваясь навстречу этому давлению, не в силах сдержать животный, сладкий импульс. Он почувствовал это движение. Его губы дрогнули в кривой, торжествующей улыбке.

— Без одежды мы дойдем до спальни, Эбигейл, — прошептал он, тяжело дыша мне в подбородок, целуя вздрагивающее горло, ключицы, край выреза свитера. — На нормальную кровать. С простынями. Не на кухонном столе среди карамели, где через час засохнет глазурь.

— Зануда-математик, — выдохнула я, судорожно втягивая воздух и кусая его за нижнюю губу. — Всё по полочкам…

— Всему свое время, — хрипло рассмеялся он, но в его смехе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.